

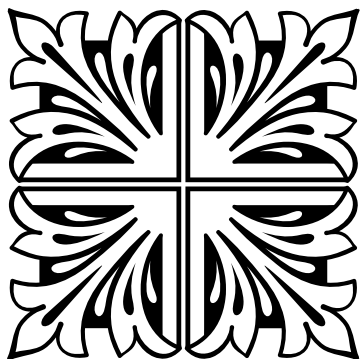
ПРОТОИЕРЕЙ
АРТЕМИЙ ВЛАДИМИРОВ

СВЯЩЕНСТВО

записки пастыря

КНИГА ПЕРВАЯ

«АНТИКЪ»
МОСКВА 2016

ББК 86.372.24–3ю14
В 57

*Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р16–602–0037*

Литературный редактор

Е.В. ПУТИНЦЕВА, канд. филол. наук

Обформление книги

Ю. ГЛАГОЛЕВ

Корректор

И.В. КОРСАКОВА

Эта книга представляет собой четвёртую часть автобиографических воспоминаний протоиерея Артемия Владимировича и рассказывает о первых годах его пастырского служения. Эпоха 90-х годов прошлого столетия замечательна обращением к Церкви всех сословий общества, и в частности, нашей творческой интеллигенции.

Воспоминания автора о встречах с известными людьми, о проявлении Промысла Божия в человеческих судьбах вызовут несомненный интерес у читателя, который дорожит православной культурой, ценит русский литературный язык и проникнут горячей любовью к России.

ISBN 978–5–9906580–5–9
УДК 271.22–9(093.3)

© Владимир Артемий, протоиерей, 2016
© «Антик», 2016

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писать о заветном непросто. Мысли переполняют душу, но боишься ошибиться в слове. И невольно обращаешься к молитве: «Ты, Господи, предвечная Мысль Отца и Слово воплощённое, дай мне слово, чтобы размышлять вместе с читателями на страницах этой книги о великом даре Твоей любви к роду человеческому — священстве».

Когда я впервые стал думать о пастырстве? Наверное, после того как в мою жизнь прочно вошли московские батюшки и я обрёл в лоне Матери Церкви живую веру во Христа Искупителя.

Вспоминаю пасхальную ночь, когда юношей вместе с другими счастливыми я стоял в алтаре Обыденского храма*. Во время совершения Божественной литургии престол был ярко освещён. У меня на глазах литургисавший священник преломлял Святого Агнца — так именуется служебная просфора, ставшая Телом Христовым.

* Храм Пророка Божия Илии в Обыденском переулке в Москве.

«Батюшка прикасается руками ко Христу! Человеческие пальцы осязают Плоть Господню! Ну как на это можно смотреть?» — помышлял я, будучи исполнен крайнего благоговения, в котором были и трепет, и радость одновременно... Всё впервые так близко увиденное и услышанное переполняло душу и после окончания пасхальной службы.

«Что же это за человек, священник, которому дано такое?» Обращаясь мысленно к самому себе и вспоминая свои грехи, я ник душой в скорбном сознании, что и помышлять-то мне о священстве — грех...

Прошло, быть может, около недели, прежде чем я попал к своему духовнику на исповедь. Среди невысказанных вопросов, теснивших в душе, был и этот: «Батюшка, а допустимо ли мне думать о священническом призвании?» Не без запинки произнёс я после признания в грехах эту давно сложившуюся в уме фразу...

— Да, можно, — таким кратким был утвердительный ответ человека, слова которого я принимал безоговорочно.

Знакомы ли вам, друзья, впечатления и ощущения, когда после долгого блуждания по заболоченному лесу вы вдруг выходите на поле, залитое ослепительным солнечным светом? Над вами раскрываются необозримые небесные просторы, в высях которых вы можете заметить превратившегося в почти неподвижную точку жаворонка. Впереди — волнующееся море зреющей пшеницы. Далеко-далеко виднеется противоположная кромка леса. Тишина...

которой вовсе не мешает пение пичуг. А вот и дорога, пролегающая посреди поля, она приведёт вас в родимую сторонку. Растерянность и усталость уступают место спокойствию и радостной готовности завершить путь.

Примерно то же чувствовала тогда моя душа. Я вздохнул с невероятным облегчением! «Мои грехи не помешают мне размышлять о священническом служении!.. Неужели?.. Неужели моя будущность может быть связана с Церковью?!» Думаю, что счастливая улыбка, непроизвольно появившаяся под влиянием этих мыслей, не сходила с моего лица, покуда я ехал домой, вовсе не обращая внимания на окружающую действительность.

Убеждён, что именно так и распознаётся сердцем призвание. Осознание своего полного недостойнства и внутренняя готовность отдаться служению без остатка... Если позовут... И тогда уже не нужно будет искать счастья. Оно здесь, с тобой, в тебе. Потому что счастье — служить Господу всей душой и всем помышлением, ничего не прося взамен. Да ведь ничего более и не нужно. Только до самой глубины раскрывать сердце, черпая в льющейся свыше благодати силы для трудов на благо людям, во славу Божию.

ДИАКОНСКАЯ БЛАГОДАТЬ

Как вы помните, долгожданная весть о рукоположении во диаконы настигла меня, академического преподавателя, в начале июля 1987 года.

Середина лета для учащихся Семинарии и Академии — разгар трудового семестра. Обыкновенно рядовые преподаватели тоже принимают в нём активное участие. За мной закрепили небольшую группу семинаристов, и направили нас разбирать неподалёку от Лавры дощатую крышу домика, по слухам, принадлежавшего самому владыке ректору. Особых инструкций мне никто не давал. Поэтому на свой страх и риск я сам стал проводить инструктаж юношей, уже готовых приступить к разборке крыши.

— А знаете ли вы, друзья, правило номер один техники духовной безопасности? Если вы не хотите занозить руку о плохо обструганную доску или получить какую-либо иную травму, то, прежде чем взяться за дело и в ходе самого дела, вам необходимо со вниманием произносить в уме молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!»

— Спаси Го-о-споди! — баском, с характерной для семинаристов интонацией, растягивая первый слог слова «Господи», отвечали хором ребята...

Работа закипела. Отделяемые от стропил доски мало-помалу заполняли двор.

Преподав нехитрые правила труженикам, я отступил от них шага на два и тотчас почувствовал нечто... Моя правая стопа в лёгком резиновом полукеде оказалась пригвождена к старой выцветшей от дождей и солнца доске, которая, благополучно перезимовав, как будто терпеливо дожидалась сегодняшнего дня. Я ощутил острый укол в ногу. Тёплая кровь увлажнила мои пальцы. Мгновенно, как молодой олень, отпрыгнув в сторону, я приземлился левой ногой на второй гвоздь. Ржавый и длинный, он торчал загогулиной из другой доски, лежавшей в полуметре от первой.

По счастью, усердно работавшая молодёжь не заметила затруднительного положения, в котором я оказался. Что мне было делать? Наклонившись, я ощупал пальцами обе стопы. И там, и там — кровь, окрасившая ладонь в алый цвет. Крови я не боюсь, но всегда волнуюсь, когда её вижу. А свою — тем более...

Мне не совсем хотелось посвящать юношей в происшедшее. Выдумав какую-то причину, я медленно поковылял, минуя бывший монастырский сад*, в лаврскую гостиницу, где обыкновенно располагались московские преподаватели на ночь-другую.

* Ныне возвращён обители.

Меня охватило страшное беспокойство. Гвозди были такие длинные и ржавые... А что если сепсис, заражение крови? Глядишь — и спасти-то не успеют. Безвременная кончина в двадцать семь лет... И пожить не успел, что говорить о служении...

При этих лихорадочных мыслях, стучавших в висках, у меня захолонуло сердце. Взор потемнел, и я заплакал. Шёл на цыпочках, стараясь не касаться пятками земли. «Господи, всё Тебе ведомо и всё открыто... А мне так хочется послужить Тебе! Ты видишь моё стремление и веру... — Услышав собственный голос, я ещё пуще разревелся, как совершенное дитя. — Если только на это есть Твоя воля, исцели меня, избави от заражения крови! Пусть в этом будет для меня знак, что я угожу Тебе в диаконском сане. Я вложу все силы души и тела в это ангельское служение. Господи, да будет со мной святая воля Твоя!»

Несколько успокоившись и вытерев глаза, я вошёл в лаврские врата и поднялся на крыльцо гостиницы. Никем не замеченный, проскользнул в туалет, снял побуревшие от крови носки и тщательно промыл ранки. Потом вымыл кеды и ополоснул стельки. Попросив йода у дежурившей матушки, смазал им ступни и лёг на свою кровать, съёжившись, как раненый зверёк. Засыпая, не переставал по-детски молиться в душе: «Господи, Господи, Твоя воля святая да будет со мной...»

Незаметно для себя (как это всегда и случается) заснул, проспав, никем не потревоженный, более

двух часов. Время было обеденное, и в наш четырёхместный преподавательский номер никто, очевидно, не входил...

Проснувшись, я тотчас вспомнил о случившемся. Свесив ноги с кровати, стал придирчиво осматривать свои ступни. Они, что удивительно, совсем не болели, вокруг ранок не было ни красноты, ни припухлости. Я ободрился и ещё раз смазал подошвы йодом. На сердце стало спокойнее. Обувшись, решил сходить на кухню в поисках остатка от обеда. Сердобольная, всегда благоволившая ко мне матушка поставила передо мной тарелку ещё тёплого супа.

— Кушайте, кушайте, а то, вишь, время обеденное давно прошло. Небось, устали на своих работах, Артемий Владимирович. — Приговаривая так, она усердно потчевала кандидата к рукоположению.

Аппетит меня, как обычно, не подвёл. Не делясь причиной своих утренних волнений, я, заметно повеселев, рассказывал кормилице что-то из семинарских «преданий». Еда голодным мужчинам всегда в радость и действует на них успокоительно...

И на следующее утро я не чувствовал в стопах никаких болезненных ощущений. Следы от гвоздей были едва заметны! Скорее, полукеды с двумя дырками в подошвах могли быть объективными свидетелями постигшего меня накануне злоключения...

Я буду жить и служить! Благодарность ко Господу переполняла моё сердце. *Наказуя наказа мя Господь*, — пело оно, непрерывно повторяя слова известного

псалма, — *смерти же не предаде мя**. Приближалось 18 июля, день Преподобного Сергия, игумена Радонежского, когда владыка ректор будет совершать моё рукоположение в храме Смоленской иконы Божией Матери. Этот небольшой храм-ротонда находится за оградой Духовной академии, близ лаврской колокольни. В те годы службы там правил семинарским причтом...

Накануне праздничной всенощной в душе моей сам собою возник необычный вопрос: «Интересно, я не успел ещё стать диаконом, а две мои стопы уже пригвождены гвоздями ко древу... Чего же тогда можно ожидать перед рукоположением в священство?»

Илл. → стр. 228

*Храм
Смоленской иконы
Божией Матери
в Троице-Сергиевой
Лавре*

* Пс. 117, 18.

СВЕРШИЛОСЬ!

Илл. → стр. 237
Покровский храм
МДА

Облачённый в сияющий белизной стихарь, я отчётливо сознавал, что совершаю свою последнюю всюнощную службу в сане диакона. Академический храм был заполнен народом до отказа. Его отреставрировали после пожара, уничтожившего полностью деревянный купол. Сейчас любимый народом храм предстал в своей первозданной красоте. Нет, он стал ещё лучше, ещё краше! Стены и потолок расписали замечательные московские мастера-иконописцы в строгом древнерусском стиле. На синем фоне они изобразили главные вехи земной жизни Пречистой Девы Марии — от Рождества до Успения. В Покровской церкви замечательная акустика. Если храм пуст, в нём слышен каждый шорох, каждое, даже шёпотом произнесённое слово.

На Рождественской всюнощной пели все три семинарских хора. По местной традиции, с пяти до восьми часов совершается вечернее богослужение, а около двенадцати — ночная Божественная литургия. Я участвовал в ней сначала как диакон.

Во время малого входа, когда служащее духовенство вышло из алтаря, отец протодиакон, подняв в Царских вратах Евангелие в золотом окладе, мощным, как иерихонская труба, басом зычно возгласил «входный стих»: «Из чрева прежде денницы родих тя, клятса Господь и не раскается: Ты иерей во век по чину Мелхиседекову»*.

У меня раскрылись глаза... Конечно же, я знал, к Кому относится пророчество библейского царя Давида. Эти слова предвозвещают явление на земле Единородного Сына Божия, единого истинного Первосвященника. Именно Он соделался Жертвой за нас и проложил нам «путь новый и живой» Своим Воскресением. И всё-таки я не мог не подивиться созвучию этих слов с мыслями и чувствами, меня тогда переполнявшими.

Но жизнь, как известно, совсем не похожа на лубочную картинку. Согласитесь, было бы неправильно составлять воспоминания, опуская из них то, что не слишком вписывается в общую канву повествования. Уже в конце всенощной меня вдруг охватило какое-то беспокойство, непонятное мне тревожное чувство. Душа невольно прислушивалась к сомнениям, которые непонятно откуда приступили и внедрились в сознание. «Как ты можешь готовиться к рукоположению во иереи, хорошо зная, что этого недостойн? Ты представляешь,

* Речение, взятое из псалмов царя Давида и произносимое диаконом в Царских вратах на двенадцатые праздники.

что тебя ждёт и каким посрамлением всё это обернётся?» Отчасти соглашаясь со столь убедительными доводами, я просто не знал, куда себя деть. Спросить у духовника возможности никакой не было (ведь мы тогда жили без мобильных телефонов!); бежать к кому-то на исповедь представлялось не совсем правильным, потому что и объясниться трудно; ведь направление давно задано и отступить некуда...

Вот в таком непрестом состоянии провёл я время до ночной литургии. Шестым чувством в глубинах совести я понимал, что меня донимает лукавый дух. Ему было попущено истязать меня и за грехи неизжитые, и за недостаток смиренной веры, которая учит полностью вверять себя Богу и Его воле, святой, благой и совершенной.

Наконец, пришло время полуночи и ночной службы... «Христос раждается — славите, Христос с небес — срящите!» Я перестал думать о себе, копать в своих грехах и начал следить за ходом службы, боясь совершить какую-либо ошибку...

Вот и наступил заветный час. Вокруг престола меня водил, к великой моей радости и утешению, архимандрит Евлогий (Смирнов). Тут мне вспомнилось, что много лет назад, когда я, ещё студентом филологического факультета Московского университета, подвизался на послушании сторожа в Обыденском храме, я увидел этого благодатного батюшку впервые. Он посетил наш храм уже поздно вечером, позвонив во входную дверь, и смиренно попросил дозволения приложиться к чудотворному

образу Божией Матери «Нечаянная Радость». Помолясь пред ним в уединении, он неспешно направился к выходу, подходя по пути ко многим иконам, очевидно, ему хорошо знакомым. Затем подошёл ко мне...

Я стоял у свечного ящика с ключами и с благоговением наблюдал за неожиданным гостем, молитвенное состояние которого мне неким образом передалось. Осведомившись, чем я занимаюсь и где учусь, батюшка тогда сказал, глубоко вздохнув: «Нет большего счастья, чем посвятить себя служению Церкви Божией...» Поклонившись, он тихо вышел из храма...

Сейчас на службе я вспомнил этот, казалось бы, давно стёршийся в памяти эпизод студенческой поры. Вот уже я опускаюсь на оба колена, склоняя голову на престол. И вновь, как и при рукоположении во диаконы полгода тому назад, владыка Александр, опустив свои руки мне на голову, стал вместе со всею Церковью призывать на меня, недостойного, благодать Духа Святого. Закрыв глаза, я слушал архиерейскую молитву, а сам просил Господа: «Милостивый Боже, сделай так, чтобы никакая из вверенных мне Твоею милостью бессмертных душ человеческих не погибла, но была спасена Твоею всеисильною благодатью, и да не послужит мне во осуждение священнический сан...»

— Аксиос! — возгласил архиерей, и под троекратное ответное пение «аксиос» всего народа последовательно возложил на меня епитрахиль, поручи,

фелонь и крест, взятый владыкой с престола. Я стал иереем! По обычаю, первое, что должен совершить новорукоположенный пастырь, — обойти всех служащих священников, начиная со старшего и кончая последним по хиротонии, с троекратным лобзанием любви. Я с трепетом приступил к своим собратьям, а сам не отрывал глаз от иерейского креста, который лёг на мою грудь. На его обратной стороне можно было прочесть: «Образ буди верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою»*.

Первым ко мне подошёл «моя академическая нянька» и «ангел-хранитель», архимандрит Евлогий. Широко раскрыв руки и готовясь обнять меня, он произнёс слова, которые тотчас проникли в моё сердце: «Отец Артемий, а ведь Рождество Христово — это малая Пасха!» Друзья-читатели, со всей уверенностью могу сказать, что я ни с кем никогда дотоле не делился мыслями о своём желании быть посвящённым во иереи на Пасху. Откуда отец Евлогий мог это знать? Да он ничего и не знал, думаю... Сам Бог, ведающий сокровенное, положил ему в тот час изречь это моему недостойнству.

«А что вы почувствовали в самую первую минуту после совершения над вами таинства?» — может быть, спросит меня кто-то из вас. Вы знаете, я отчётливо помню, каким чувством было наполнено тогда моё сердце. «Свершилось то, что должно

* См.: 1 Тим. 4, 12.

было свершиться! Судно, долгое время собираемое на верфи по досточке, по гвоздочку, спущено на воду. Паруса закреплены на мачтах и развёрнуты! Куда ж нам плыть?..»

После предложения Святых Даров меня вновь подвели к литургисавшему владыке. Он повелел мне поклониться перед престолом и, вытянув вперёд руки, крестообразно положить ладони друг на друга.

— Прими, иерей Артемий, залог сей, о немже имаша истязан быти в день Господа нашего Иисуса Христа. — С этими словами он вложил в мои руки большую частицу Агнца с оттиснутым на ней именем «Иисус Христос» и добавил: — Читай вполголоса псалом пятидесятый: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое...*

Со страхом взирая на Живоносное Тело Христово и ощущая тяжесть Святой Частицы в своей руке, я послушно читал псалом, каюсь, как блудный сын, перед Родителем своим, возвратившись в Отчий дом. *А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; И приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться**...

Убеждён, что всё, мною сейчас вам пересказанное, не может сразу вместиться ни в ум, ни в сердце новорождённого служителя алтаря Господня — пастыря Христовых овец. Ему дано созерцать,

* Лк. 15, 22-23.

внимать, принимать льющиеся в его сердце милости и щедроты Господни, чтобы затем осмыслить их, сокрыв в самой заветной глубине сердца. На это уходит вся земная жизнь...

Давайте оставим и нашего новоиспечённого батюшку, чающего приобщения Святых Христовых Таин, в этом счастливом ожидании в алтаре Покровского храма, с тем чтобы в следующей главе нашего повествования встретиться с ним вновь.

ШАМПАНСКОЕ

Пастырство — служение любви, которой в этом холодном (и голодном) мире так часто не хватает. Согласитесь, священник никак не должен быть чёрствым, тем более бессердечным человеком. Не таково наше призвание, не таков и наш Господь, изливающий благодать «на священники Своя»*.

Как часто молодым пастырям, которые испытывают сочувствие к страждущему человеческому роду, хочется помочь вновь пришедшему во что бы то ни стало... Сама просьба, к нам обращённая, как будто делает нас её заложниками. И ты чувствуешь себя виноватым только потому, что стоящий рядом с тобой находится в нужде. А если и не виноватым, то, по крайней мере, обязанным сделать от тебя зависящее.

Однако всё хорошо в меру... Опыт жизни учит, что, беря на себя тяготы и бремена ближнего, мы

Илл. → стр. 252

*Исповедальный
разговор*

* Выражение из молитвы, читаемой при облачении иерея в священные одежды.

не должны забывать разумной меры в благотворении. Нельзя видеть в просителе безвольное и беспомощное дитя. Неправильно подменять своей деятельной любовью необходимость несения им своего креста.

Безусловно, искусство творить добро, умение держаться золотой середины в доброделании не приходит сразу. А жизнь никогда не уместается в прокрустово ложе наших о ней представлений...

Однажды по завершении вечернего богослужения в храме на улице Неждановой я задержался у аналоя с крестом и Евангелием, исповедуя прихожан. Стояло тёплое лето, спешить мне было особенно некуда.

Ближе к полуночи ко мне подошёл незнакомый мужчина лет сорока, высокого роста, с щетиной на щеках и, как мне показалось, с очень выразительными глазами. По ним было видно, что он в чём-то нуждается, но не решается об этом сказать. Взгляд у него был добрый и живой.

— Чем вам послужить? — обратился я к нему.

Люблю именно такую постановку и форму вопроса. Мне кажется, в устах священника она наиболее уместна. В этом вопросе — наше пастырское отношение к жизни. *Modus vivendi** иерея Божия.

Тот попросил разрешения исповедаться. Ну как отказать? В храме уже и народу не осталось. Я, склонив ухо, стал слушать его признания. Начал он с детства. Очевидно, к разговору со священником

* Образ жизни (лат.).

готовился. Исповедовался глубоко и ничуть себя не оправдывал.

Прошло минут сорок. Раб Божий Олег* продолжал рассказ о прожитом весьма обстоятельно, правильно анализируя свои поступки. Мне было очевидно, что он не лишён рассудительности, своего рода мудрости, и я не решался его торопить. Когда стрелка настенных храмовых часов подползла к часу ночи, я был вынужден прервать моего необычного исповедника.

— Простите, я могу опоздать на метро. Может быть, завтра продолжим?

— С удовольствием, батюшка, но дело в том, что мне некуда идти. Я в Москве проездом оказался.

После этого «мармеладовского» признания мне стало ясно, что без участия священника ему не обойтись. В храмовой пристройке остаться было невозможно. Что тут делать? Я предложил Олегу завершить исповедь у меня дома, на Остоженке, благо, одна комната пустовала. А поутру — сразу в храм, на литургию. Он с готовностью согласился и попросил прощения за доставленное неудобство.

Добравшись до родительского гнезда, я продолжил исповедь. Завершили мы её в начале третьего ночи. Олег был счастлив.

— Батюшка, с меня такой груз свалился! Просто душа поёт.

* Имя изменено.

Приготовив ему постель и дав всё необходимое, я отошёл ко сну. Матушка моя была в это время на даче. Утром раб Божий, прибывший в столицу из «мест не столь отдалённых», удостоился причащения Святых Христовых Таин. На лице его я заметил слёзы благодарности Господу за явленную милость. Да и мне как пастырю было радостно.

— Батюшка, я так вам признателен за всё, — подошёл ко мне Олег со светлой улыбкой. — У меня теперь один путь — к родным во Владимирскую область. Хочу начать новую жизнь, слава Богу, теперь с чистой совестью.

— Может быть, помочь вам на дорогу?

— Честно говоря, не откажусь. Выпускают нас на все четыре стороны с рублём на всё про всё...

Я вложил в его руку деньги, с кануна* взял яблоки и хлеб — на дорогу новому прихожанину. Так мы расстались, довольные друг другом...

Через неделю я увидел Олега на утренней службе.

— Какими судьбами?

— Представляете, батюшка, не нужен я им, своим родным. Мы живём в таком жестоком мире. Иди, говорят, откуда пришёл. Что ж мне теперь опять за старое браться?

— Упаси Бог! Только не это... Неужели больше никого нет среди близких людей?

* Панихидный столик в храме, куда обычно кладут продукты «на помин души».

— Да не совсем. Созвонился с подругой юности, на Брянщине она сейчас. Приму, сказала, заживём по-Божиему.

— Так венчаться нужно!

— Да, я это понимаю. У меня-то намерения серьёзные.

Снабдив Олега подъёмными, я пожелал ему счастья.

— Век не забуду вашу доброту, отец Артемий.

История повторилась ровно через две недели. Олег ещё более зарос и выглядел исхудавшим. На мой недоуменный вопрос он опустил глаза.

— Отчаяние у меня, батюшка. Обманула она меня, поиграла и прогнала. Ты, говорит, меченый, из зоны. Не уйдёшь сам — посажу...

Мне нужно было срочно бежать на крестины.

— Олег, милый, уж и не знаю, что с вами делать...

— Да я, батюшка, и сам вам в глаза глядеть не могу. Остался один шанс у меня...

— Вы что, имеете в виду старые связи?!

— Нет, упаси Бог! На вокзале познакомился с семьёй, поселение они организуют в Тверской губернии. Нужны им рабочие руки. Поднимают ферму, обещают и кров, и стол.

— Так это же прекрасно! Вот, всё, что у меня есть, возьмите, я уже спешу на крестины... Но, боюсь, больше не смогу вас субсидировать.

— Да я, батюшка, понимаю. Готов сквозь землю провалиться, стыдно уже.

— Ну, с Богом! Постарайтесь обосноваться, природа и труды на её лоне — это великое дело.

Так мы расстались в очередной раз. В храм Олег больше не возвращался. А я, признаться, почти позабыл эту историю.

Месяца через два-три мне передали в алтарь записку. Я даже не знаю, кто её принёс. Оказалось, что она была от Олега. Он сидел в следственном изоляторе, в Бутырской тюрьме. Христом Богом просил навестить его. Писал, что ни в чём не нуждается, кроме благословения. В письме были указаны все необходимые телефоны администрации учреждения.

Я позвонил на следующий день. Как-никак двадцать пятую главу Евангелия от Матфея с притчей о Страшном Суде и шести делах Христова милосердия батюшки знают почти наизусть. Всё соответствовало действительности. Встреча была разрешена при наличии документа, удостоверяющего личность.

И вот я уже в Бутырках. Это было первое в моей жизни посещение пенитенциарного заведения. Я сидел в прихожей вместе с красивой молодой женщиной. Робко посматривая в мою сторону, она наконец решилась спросить:

— Вы батюшка?

— Да, чем вам помочь?

Женщина со слезами поведала свою скорбную историю.

— Мой муж военный. Мы очень любим друг друга. Он абсолютно честный человек. Как материально ответственного за военные склады, его обвинили в хищении. Батюшка, я знаю своего мужа. Ему легче

своё отдать, чем взять чужое. Его сделали крайним. Собственный начальник. — Она зарыдала.

— Вам же адвокат нужен!

— Батюшка, и адвокат имеется, и средства свои мы вложили. Но вы же понимаете, всё решено за нас. Уже полгода тянется процесс. Если мужа посадят, я не вынесу. Он же не виноват!

Нас пригласили на свидание. Мы вошли в общую комнату, перегороденную плексигласовой стенкой. Каждый посетитель должен был сесть на стул, где на уровне пояса находилось переговорное устройство для общения с подсудственным.

Сначала я увидел мужа моей собеседницы, красивого молодого человека с военной выправкой. Свидание у супругов было не первое. Они не сели, но стояли друг напротив друга, не обращая ни на кого внимания. Он приставил ладонь к прозрачной перегородке. Она протянула руку и прислонила свою ладошку, совместив её с мужниной. У меня сжалось сердце, и я отвёл глаза в сторону. Казалось, что я смотрю фильм, будучи невольным участником сценического действия. Но это была не игра, это была жизнь. Супруги молча смотрели друг на друга...

В это время появился мой Олег, всё такой же худой, с такими же выразительными глазами, как и во время нашего знакомства. Он сел. Я тоже.

— Батюшка...

Наступила пауза.

— Олег, расскажите всё, как есть...

— Батюшка, я... я вас обманывал. Я ведь никуда не ездил.

— Я уже догадался. А что же произошло?

— Вы меня только простите.

— Бог простит, милый, всякое бывает, главное, быть со священником искренним! Бог-то всё знает...

— Шампанское я люблю, отец Артемий. На Тверской улице я его и покупал. На ваши деньги...

— Да это не мои деньги. Это храмовые.

— Вот потому и очутился здесь опять. Господь меня наказал. Вскружило мне шампанское голову. Потерял чувство реальности. Не справился со свободой. Сладкое это слово, как шампанское...

Я уверил Олега, что Господь примет его, как уже не раз принимал. Ведь человек слаб, и никто не застрахован от падений. Главное — не допускать впредь лукавства. И идти по жизни с молитвой. А Бог всегда рядом.

— Вы знаете, с каким выражением рифмуется ваше имя? — спросил я обитателя Бутырки в конце нашего свидания.

— С каким?

— Олег — хороший человек. В вашей душе действительно много хорошего. Только будьте осторожнее. Особенно с шампанским.

Больше я не виделся ни с Олегом, ни с этой милой супругой невинно осуждённого военного.

После описанного мной события прошло четверть века. Если не на земле, то у Престола Божия я с ними встречусь. Мы, друзья, в это верим...

ТАГАНКА

Читатели помнят, что церковь на улице Неждановой хорошо известна в кругах творческой публики, которая давно выделила её среди многочисленных столичных храмов. Вот почему нам, пастырям, и умудрённым, и совсем ещё неискущённым (к числу которых я, несомненно, принадлежал), очень часто приходилось сталкиваться со «служителями муз», и прежде всего с актёрами.

Среди прихожан выделялся своей преданностью храму и неизменным участием в службах один режиссёр, мужчина средних лет, буквально кипевший как творческими идеями, так и огненным желанием приобщить к Церкви и к её таинствам театральный мир в первую очередь и всю культурную элиту страны — во вторую. Невысокого роста, худенький, с большой залысиной и тёмными бакенбардами, в очень скромном, потёртом клетчатом пиджаке, он появлялся в храме с рукописями подмышкой и всегда старался получить у батюшек благословение на очередные сценические проекты. Ему были

присущи подвижность и экспрессивная жестикуляция, которые выдавали лёгкую восторженность или, как говорят применительно к новообращённым христианам, мечтательность. Совершенно безобидный и бескорыстный, Михаил* отличался мягкой и сострадательной душой, которой было свойственно тем более переживать за своих друзей и знакомых, чем дальше от Церкви они находились. Подходя к пастырю, он выливал на его главу поток идей, планов, просьб, которые почти никогда не касались личных нужд самого просителя. Сердобольный драматург всегда был мне очень мил, я отдавал дань его неравнодушию и жажде просвещения интеллигенции евангельским благоанием.

Помню, как-то он, запыхавшись, прибежал в храм в крайне взволнованном состоянии.

— Дорогие батюшки, — обратился он к нам с отцом Геннадием Огрызковым, — при смерти находится великий гений и великий грешник, режиссёр Параджанов! Мы, вы должны спасти его от ада и приобрести Господу драгоценную словесную овцу, которой недостоин весь мир...

Понятное дело, после подобных слов нельзя было медлить ни секунды. Переглянувшись с отцом Геннадием, духовником Михаила, я почтительно склонил пред старшим собратом главу, предоставляя ему, как опытнейшему, выйти на святое дело спасения заблудшей овцы. Если мне не изменяет память,

* Михаил Христофорович Дудник.

оно увенчалось успехом! Чудо-батюшка принял предсмертную исповедь души, творчество и жизнь которой весьма характерны для человека, заблудившегося в сумерках XX века.

Но Михаил и для меня, недостойного, припасал некоторые свои головокружительные проекты.

— Отец Артемий, вам непременно должно познакомиться с режиссёром Юрием Петровичем Любимовым. Он сейчас ставит на Таганке «Маленькие трагедии» Пушкина. Это фантастика! В каждой из пьес наш гений, — продолжал взахлёб рассказывать Михаил, — пользуясь специальными световыми эффектами, вводит явление высшей Божией правды — крест Господень! Высвечивание креста в абсолютной темноте зала всякий раз предваряет смерть: скупого ли рыцаря, Дон Гуана, Моцарта. Юрий Петрович очень просит вас (лично ли меня?) посетить его театр, быть на рабочем прогоне всех сюжетов и высказать своё компетентное суждение...

Мне не было тогда и тридцати лет, и в моих глазах Михаил увидел недоумение: по какой причине маститый режиссёр заинтересовался мнением только вступившего на пастырскую стезю молодого человека?

— Нет-нет! Не подумайте, что я вас обманываю! Только вы, с вашим словом, — восклицал вдохновенный «просветитель», беря моё тщеславие, — сможете после спектакля обратиться к актёрам! Специально ради вас Юрий Петрович соберёт всю труппу, а ведь это звёзды отечественного театра — Демидова, Губенко, Золотухин. Это их единственный

Илл. → стр. 256
Программа 1989 г.
Московского театра
драмы и комедии на
Таганке

шанс — осмыслить свою деятельность в свете правды и любви Божиих. Я умоляю вас, отец Артемий, не откажите! Хотите, прямо сейчас стану перед вами на колени? Я готов принести любую жертву, лишь бы состоялось воцерковление наших ведущих режиссёров и актёрской братии.

Ну как можно было противостоять такому напору? Тем паче что предложение показалось мне весьма интересным и заманчивым.

В назначенный день и час мы отправились на Таганку, ещё не успевшую забыть Владимира Высоцкого и купавшуюся в лучах своей заслуженной славы. Не без волнения я приблизился к бурой кирпичной стене театра, который стал властителем дум целого поколения.

Одетый в чёрный подрясник, со священническим крестом на груди, я бодро вошёл в кабинет главного режиссёра. Он восседал в широком кресле, царственно опираясь на обитые кожей подлокотники. Я обратил внимание на красивую посадку его головы с серебристой шевелюрой, выдававшей в нём аристократическую натуру. На правой руке сиял массивный перстень, полностью закрывавший фалангу безымянного пальца. Внешность мэтра казалась мне безукоризненной. При всей своей значительности он весьма доброжелательно смотрел в мою сторону и тотчас приподнялся, чтобы взять благословение. Юрий Петрович предложил нам чашку чая. Красивая девушка с голливудской улыбкой на лице вошла в кабинет, держа в руках

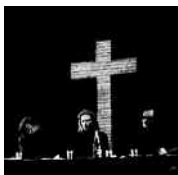
Илл. → стр. 256
Ю.П. Любимов

поднос с фарфоровыми чашками. Сидя на краешке стула и стараясь не сутулиться, я слушал воркование нашего общего друга, который был в восторге от своих посреднических услуг...

У меня до сих пор в памяти стены кабинета, сплошь покрытые подписями и автографами его именитых посетителей. Всё свидетельствовало о царившей здесь непринуждённой, изящной и творческой атмосфере. После знакомства, от которого у меня осталось весьма приятное впечатление, мы отправились в полутёмную залу, где должен был начаться прогон спектакля.

Я заметил, что Юрия Петровича сопровождали две-три девушки с постоянно включёнными маленькими диктофончиками, улавливавшими каждое слово знаменитого маэстро. Он напоминал мне русского барина, занимавшегося своим любимым делом, то ли охотой на вальдшнепов, то ли верховой ездой, то ли ещё чем-то подобным. Чувствовалось, что Любимов находился в родной для него стихии, он дышал, проживал каждую секунду театрального действия и был похож на капитана огромного судна, стоявшего в рубке за штурвалом спокойно и уверенно.

Я заворожённо-внимательно следил за происшедшим на сцене, может быть, ещё и потому, что давно не был в театре. Не могу сказать, что всё пришлось мне по вкусу (тем более весьма неизощрённому). Казалось, что пьесы несколько проигрывали от условностей, нарочитой простоты декораций и костюмов; с другой стороны, явления креста в виде

Илл. → стр. 257

*Явление креста
в финале спектакля
Театра на Таганке
«Пир во время чумы»*

наложенных перпендикулярно лучей света, сопровождавшиеся чем-то напоподобие грома, меня очень впечатлили. Становилась понятной религиозная мысль постановщика о том, что зритель невольно должен был осмыслить смерть героев под знаком вечности.

Однако один эпизод меня неприятно смутил. Донна Анна, встретившаяся у могильной плиты мужа с Дон Гуаном, показалась мне не жертвой обольщения со стороны искателя сомнительных приключений, а скорее, обольстительницей. Образ честной вдовицы уступил место львице, забывшей о чувстве долга, о стыдливости и целомудрии. Может быть, я (и по справедливости) заслуживал наименование профана в отношении театрального искусства, но осадок в душе почему-то остался.

Наконец, по окончании действия мы с Михаилом вернулись в кабинет «главрежа». Через малое время вошли звёзды, только что блиставшие на сцене в свете прожекторов, и расположились вокруг меня в удобных креслах. Не без радости я взирал на знакомые лица актёров, хорошо известных каждому обывателю по многочисленным фильмам. Было видно, что они изрядно устали. Расстегнув ворот рубахи, на меня внимательно смотрел Валерий Золотухин. О чём-то своём размышляла Алла Демидова. Я подметил недоверчивый взор Николая Губенко. Михаил ёрзал от нетерпения, ожидая, покуда священник обратит своё спасительное слово к кумирам театральной публики. То ли по молодым годам, то ли из-за незаслуженного мной доверия Юрия Петровича,

собравшего окрест молодого попа созвездие актёров, я заговорил (неожиданно для себя) бойко и уверенно. Начал свой рассказ с обретения Креста Господня святой царицей Еленой, которая опознала святыню, возложив её на мертвеца, тотчас восставшего из гроба. Поделился мыслями о животворящей силе нательного крестика и показал, как правильно накладывать на себя крестное знамение. Завершил размышление о Кресте Христовом как орудии спасения человеческого рода. Крест — образ и правды, и любви Божией. Крест страшен для греха, но он же является источником мира, чистоты, смирения и любви. Кажется, что моя проповедь в столь необычном месте была принята вполне благосклонно. Догадываюсь, что для многих это была едва ли не первая встреча с православным священником.

Впоследствии наши пути с Юрием Петровичем Любимовым ещё не раз пересекались. Его душа, несомненно, искала религиозного осмысления жизни, чаяла встречи с Живым Богом. Был ли его высокий замысел осмыслен и принят актёрской братией? Не мне судить. Думаю, что наши встречи с ним вполне отражали дух эпохи конца восьмидесятых годов — когда так явственно обнаруживалось тяготение друг ко другу представителей священнического и творческого сословий. В сферу интересов Театра на Таганке вошло и возрождение близ находящегося храма Святителя Николая на Болвановке, осложнённое многими перипетиями и местечковыми конфликтами.

Чуть позже я познакомился с очень необычной личностью, с сыном Ю. П. Любимова, — Никитой. Он производил впечатление полностью воцерковлённого человека, тяготевшего к частому приобщению Святых Христовых Таин. Вместе с тем Никита отдал дань экуменизму, тогда распространившемуся в либеральных кругах, и ратовал за объединение Православной Церкви с римо-католиками; говорил, что не видит препятствий для своего участия в мессах. Мне он казался настолько возбуждённым, что возникало определённое опасение за его духовное здоровье. Никита осознавал себя несомненным духовным лидером и редко появлялся в храме один, всегда представляя мне новых и новых друзей, с которыми он держался отечески-покровительственно. На лице Никиты блуждала странная улыбка, свидетельствующая о внутренней неуспокоенности. Причастный к делам церковным, он сгорал от неуёмного желания приобщать всех собеседников без разбора к христианской духовности. Не знаю дальнейшей его судьбы, но подозреваю, что отец не без оснований волновался и переживал за духовное благополучие сына.

Не только Таганка, но и ближайšie к улице Неждановой театры находились в сфере внимания нашего приходского драматурга. Мне пришлось посетить вместе с ним Доронинский МХАТ и принять от руководства замечательный дар — богатые (хотя и ветхие) священнические ризы и облачения, очевидно попавшие в плен к Мельпомене при изъятии

Илл. → стр. 258

Старинное облачение

церковных ценностей в двадцатые годы. Примечательно, что художник по костюмам, передавая мне богатую епитрахиль, расшитую золотой нитью некоей бояриной Юлией в 1916 году, говорила о том страхе, с которым актёры прикасались к «предметам культа». Будто бы платы для причащения из красной парчи, раскроенные и употреблённые как элементы театральных костюмов, приносили несчастья тем, кто вынужден был облачаться в эти одеяния. Как бы то ни было, театралы радостно отдали храму весь церковный «реквизит» и с явным облегчением и благодарностью проводили нас, нагруженных дореволюционными парчовыми фелонями и стихарями, до выхода из «храма искусств».

Всё сказанное лишний раз подтверждает наличие глубоко запрятанной в душе всякого человека искорки веры. Каждый раз, когда люди соприкасаются со святыней, совесть даёт им неложное свидетельство о том, «что такое хорошо и что такое плохо», либо наказывая тревогой и смущением, либо награждая миром и радостью, в зависимости от характера их слов и поступков.

Прошло уже двадцать пять лет со времени описываемых событий. Служа в Алексеевской женской обители, что в Красном Селе, я всегда с радостью встречаю в её стенах кого-то из бывших актрис, которые по велению сердца несут здесь церковное служение, даря ближним красоту своих чистых и искренних душ.

Илл. → стр. 259

*Епитрахиль,
вышитая бояриной
Юлией*

БАЛЕРИНА

Православный пастырь получает при рукоположении благодать учительства. Он поставляется на служение людям, призван словом просвещать и врачевать человеческие души.

Немудрено, что усердным, хотя и молодым, батюшкам бывает сродни особое самосознание, некое чувство отцовства. Увы, оно иногда выражается во внутренней самоуверенности, иногда — в покровительственных интонациях речи при общении с прихожанами, много старших их по возрасту. Худо, если священник начинает почитать себя всезнайкой, лицом, *a priori* компетентным во всех без исключения областях жизни, не имеющим нужды сверять и выверять свои суждения (подчас, весьма скороспелые) с мнением умудрённых жизнью людей.

Мне кажется, что гораздо правильнее для молодого батюшки вести себя иначе: быть готовым всегда учиться, не спешить назидать, больше слушать, внимать; уметь усваивать крупницы чужого опыта

и знания жизни, разумеется, всё просеивая через сито молитвенного размышления об услышанном.

Однажды ко мне обратились с просьбой посетить и приобщить Святых Христовых Таин одинокую пожилую женщину, живущую неподалёку от Елоховского собора, на Доброслободской улице. Выбрав удобное время, я отправился по указанному адресу.

Знаете ли вы, друзья, о чём помышляет на пути к болящим священник, несущий на груди Святые Дары? Иногда, признаюсь, мы выполняем наше святое дело механически, думая о чём-то своём, житейском. В лучшие минуты молимся, понимая, Кто нам сопresentsует. Какое великое счастье — быть раздателем Божественных Даров! Ты — инструмент воли Божией, хотящей всем людям просвещения и спасения. Ты — смиренный ослик, на котором восседает Сам Господь Иисус Христос! Никогда не тщеславиться и не гордиться, но со смиренным сознанием великости вверенного тебе послушания исполнять дело тщательно и благоговейно, поминутно ещё укоряя себя за все ведомые и неведомые недочёты и погрешности.

Мне вспоминается в связи с нашей темой искренний рассказ одного мирянина, обременённого научными званиями, который в глухую ночь вёз своего духовного отца* приобщить близкого к смерти человека. Таратайка советского производства,

* Протоиерея Александра Егорова, прослужившего в храме Пророка Илии в Обыденском переулке почти пятьдесят лет. О нём автор подробно написал в книге «Мой Университет». — Прим. ред.

проржавевшая и изношенная, поминутно глохла. Где-то на середине пути в далёкое село она остановилась. В непогоду, под проливным дождём добрый человек вынужден был лезть под машину и разбираться в поломке. Уже под утро они доехали до цели. Больной был исповедан и приобщён.

— Отец Артемий, вы не можете себе представить, — делился со мной прихожанин храма Пророка Божия Илии, что в Обыденском переулке (в студенческую бытность я трудился там в качестве ночного сторожа), — какой благодатный мир снизошёл на мою душу и не оставлял меня в течение нескольких дней! То была настоящая Пасха! На душе как будто пели райские птицы. Никогда в жизни я не испытывал ничего подобного. Мне стало ясно, насколько свят труд приходского священника, — в детской простоте откровенничал со мной сорокапятилетний доцент.

Воспомянутый мной эпизод, разумеется, не говорит, что батюшки ступают только по лепесткам роз или всегда носимы на крыльях Божественной благодати. Они трудятся, как и все обычные люди. А иногда и до седьмого пота. Но важно не забывать, во имя Кого ты всё делаешь, не правда ли?..

Дверь в квартиру оказалась открытой. Я постучался и осторожно вошёл в переднюю.

— Это батюшка? Проходите, я давно вас жду. Сожалею, что не могу встретить вас как полагается, — услышал я приятный женский голос, очевидно принадлежащий хозяйке, интеллигентной и даже утончённой в манерах.

Небольшая комнатка была заставлена старинной мебелью. Интерьер свидетельствовал об отменном вкусе её обительницы. По стенам были развешаны акварели, рисованные чьей-то мастерской рукой. На пианино я заметил фаянсовую фигурку балерины, застывшей в глубоком реверансе. Старинный матерчатый абажур, фарфоровые чашечки на овальном столе в центре комнаты создавали особую атмосферу.

Укрытая лёгким одеяльцем хозяйка лежала на кровати. Худенькая, с печатью былой красоты, она с улыбкой смотрела на меня. На вид ей было много за семьдесят. Всё, увиденное мною в комнате, производило приятное впечатление опрятности и даже изысканности.

Я попросил прощения за опоздание и спросил, желает ли она приобщиться Святых Христовых Таин.

— С великой радостью, мой батюшка, я вам так благодарна!

Мы приступили к молитвам. Я стоял близ кровати и, смотря на простенькую иконку, читал необходимые молитвы. Старушка, которую уместнее назвать дамой, внимательно слушала и осеняла себя крестным знаменем. С её уст не сходила приятная улыбка.

— А теперь нам нужно будет немного поисповедоваться. Давно ли вы исповедовались последний раз?

— Ах, батюшка, я не встаю уже несколько месяцев и потому не могу бывать в храме, хотя очень люблю наш Елоховский собор.

— Ну что же, сейчас мы всё восполним. Вам ведь приходилось в своей жизни подробно беседовать со священником о прожитом?

— Вы знаете, отец Артемий, я всегда очень много работала. Труды балетмейстера в Большом театре занимали всё моё время. Я безумно люблю свою профессию. — При этих словах она широко раскрыла свои выразительные глаза. Я заметил, что её брови были подведены химическим карандашом. Видимо, хозяйка хотела предстать пред долгожданным гостем в соответствии со своим пониманием *comme il faut*. Разумеется, я воздержался от каких бы то ни было замечаний на сей счёт.

— Вы позволите мне задать вам несколько пастырских вопросов исповедального характера?

— С превеликим удовольствием! К сожалению, никто из местных батюшек меня никогда ни о чём не расспрашивал.

— Вы крещены с детских лет?

— Разумеется, моя мама была глубоко религиозна, я видела в ней идеал русской женщины!

— Вам не приходилось конфликтовать с ней, вольно или невольно обидеть её резким словом когда-нибудь?

— Боже упаси! Я настолько почитала обоих родителей, Царствие им Небесное, что старалась предупредить все их желания. Мамочка моя дорогая... — Балерина соединила ладони на груди и устремила взор на старинную фотографию, с которой смотрели на неё родители, очевидно, благородного происхождения, в праздничных одеждах конца XIX столетия.

— Никогда не могли взять что-либо без спросу?

— Не поняла, отец Артемий... Украсть?! Поверьте, ни полушки, ни конфеты. В нас с детства закладывали убеждение, что лучше отдать своё, чем взять чужое. И знаете, я никогда за всю жизнь не испытывала даже малейшего искушения по этому поводу. А вот делиться любила. Мы ведь после революции жили весьма скудно. Знали цену даже крошке хлеба. Конечно, когда я связала судьбу с Большим театром, стало полегче. Я настолько признательна Господу за всю Его заботу! Всегда-всегда, в течение всей жизни чувствовала и ныне ощущаю Его присутствие и помощь.

Признаюсь, не без внутреннего удивления я слушал этого необычного человека, говорившего со мной совершенно доверительно и открыто. Бывает, что в ходе подобных исповедей получаешь не менее полное представление о жизни прошлых поколений, чем если бы перечитал целые фолианты мемуаров об ушедшей эпохе.

— У вас сложилась семейная жизнь?

— Посмотрите на нашу венчальную фотографию. Я безумно любила своего мужа, он послан был мне Самим Богом. Представьте себе, за сорок восемь лет совместной жизни мы ни разу не поссорились! Его уже нет со мной более десяти лет. Это просто золотой человек.

— Он был тоже представителем творческой интеллигенции?

— О да, мы вместе работали в Большом. Три десятилетия ослепительного счастья!

— Позвольте мне заметить, может быть, и не в порядке исповеди: жизнь в искусстве, сопряжённая со сценой, всегда изобилует соблазнами, ведь в сердцах человеческих скрывается столько страстей... Я сужу об этом и по фильмам, и по рассказам некоторых современных знаменитостей из мира большого балета... Удалось ли вам избежать служебных романов?

— Батюшка, я вам вот что скажу... — При этих словах она приподнялась на своём одре, и глаза её по-особенному заблестели. — Я знала столько прекрасных людей, красивых не только телом, но и душой, что почитаю себя очень счастливым человеком. Мы с мужем абсолютно доверяли друг другу. И поэтому у нас просто не было причин и поводов к ревности. Мы учили молодёжь, что их жизнь должна быть такой же красивой, как классический танец. Театр и был нашей жизнью... Я сейчас покажу вам, как мы красиво двигались.

Она попыталась высвободить из-под одеяла точёный мысок и слегка его приподнять. Я поспешил остановить балерину.

— Верю, знаю, вижу! Танцовщицы всегда напоминают мне фламинго с их грациозным изгибом шеи и осторожными, выверенными движениями.

— Да-да, вы совершенно правы! Так вот, возвращаясь к вашему вопросу, смею вас заверить, дорогой батюшка, что требования моральной чистоты и порядочности в отношениях были для нас безусловными. Это не могли не чувствовать и наши ученики, которыми мы с мужем по праву гордились.

Нет большей радости, чем нести в мир добро и любовь под знаком подлинно прекрасного в искусстве!

Замолчав, она прикрыла глаза.

Не скрою, я слушал исповедальный рассказ этой Божией души со всё возрастающим изумлением. Какая чистая и красиво прожитая жизнь! Денно-нощные труды не привели к выгоранию личности, которая, напротив, вследствие своих нравственных качеств столь благотворно влияла на окружающих. Притом моя собеседница даже пред лицом старческих немощей не утратила ровного, даже мажорного состояния духа.

— Скажите, пожалуйста, вы не тяготитесь одиночеством?

— Вовсе нет, я признаться, и не сознаю себя одинокой, ведь со мною всегда Бог..

— А как же вы молитесь?

— К сожалению, у меня весьма ухудшилось зрение, а раньше я много читала. Теперь я беседую с Господом своими словами и чувствую, что Он меня видит и слышит.

Я не стал далее аттестовать милейшую танцовщицу и, прочитав над ней разрешительную молитву, приобщил её Святых Тела и Крови Христовых. Благоевейно приняв Святыню, она с видимым облегчением откинулась на подушку. Лицо её выражало покой и совершенное довольство. Я не спешил уходить и медленно собирал свой пастырский «реквизит», говоря причастнице о своей радости знакомства с ней.

— Батюшка, а теперь присядьте на минутку, я хотела бы сказать вам нечто важное, лично вас касающееся...

Навострив уши, я тотчас уселся против балерины.

— Отец Артемий, сейчас я что-то вам поведаю относительно вашей будущей будущности, если вы мне позволите.

— Ну конечно, я весь внимание.

— Дорогой батюшка, — начала она свою речь мерным тоном, — дай вам Бог здоровья и сил!

— Взаимно, и вам...

— Пройдёт несколько лет, и у вас станет очень много прихожан, все они будут нуждаться в вашем внимании. Я вас очень прошу дать мне сейчас обещание, что вы исполните мою просьбу.

— Обещаю.

— Когда, спеша по неотложным делам, вы будете выходить из алтаря, не пробегайте мимо ожидающих вас людей, хорошо? Но и стеснённые обстоятельствами, находите возможность подойти к каждому и по-доброму улыбнуться, преподать священническое благословение... Вы услышали меня, дорогой батюшка?

— Услышал и запомнил всё, что вы мне сейчас сказали...

Так, сердечно простившись, мы расстались, и как оказалось, навсегда... Мне тогда не пришло в голову ни взять телефон, ни записать адреса этой чудной христианки. Даже не запомнил её имени. Сейчас, когда я пишу об этом, в моём сердце звучат известные всем нам поэтические строки:

*С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них, —*

*И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг!**

* Из «Баллады о прокуренном вагоне» А.С. Кочеткова.

АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)

«Ты и убогая, ты и обильная... Матушка Русь!» В этих поэтических словах органично соединены две мысли, подмечена скромность, «смирренная нагота» нашей необъятной земли (в противоположность маленьким, уютным странам Западной Европы) и неистощаемое богатство её недр природных, и особенно духовных... Эта земля породила отечественных «Невтонов и Платонов», она извела на свет Божий и дивных в их нравственной чистоте и победоносной силе любви духовных вождей народа. К их числу принадлежал, несомненно, и пользовавшийся заслуженной всероссийской известностью архимандрит Иоанн (Крестьянкин).

Воспоминания о нём греют душу всякого, кто только ни сталкивался с его незаурядной личностью при жизни и многие годы спустя после кончины батюшки. Как значителен духовный облик Божьего пастыря для нас, священников Русской Церкви! Ведь положительные примеры сейчас на вес золота. Сила их воздействия на душу неоценима. Есть ли

Илл. → стр. 260
Архим. Иоанн
(Крестьянкин)
с послушниками

что-то предосудительное в подражании достойным образцам? Смотря по тому, в чём оно выражается. Если речь идёт о внешнем копировании, имитации жестов и голоса, особенностях обращения и общения с людьми, — то, безусловно, ничего путного из «копиистов» не получится. Отчего так? Каждый человек уникален и неповторим. И пастыри, войдя упорными молитвенными трудами в русло своего священного призвания, раскрываются по-разному. Ведь у Бога всего много. Но и то справедливо, что учителя в делах душепопечения столь же значимы, как и в искусстве, — например, в поэзии и живописи.

Илл. → стр. 260
Псково-Печерский
монастырь

Бог привёл меня в Псково-Печерскую обитель в начале восьмидесятых годов, как и многих столичных Гришей Добросклоновых. Там и состоялось знакомство с батюшкой, который был, можно сказать, кость от кости и плоть от плоти русского народа. Его образ, овеянный непередаваемым ароматом смирения, правды и любви, буквально притягивал к себе. Чем труднее было добиться аудиенции с отцом Иоанном, тем более к нему льнули души богомольцев. Самая труднодоступность старца и была обусловлена всенародной к нему любовью. А последняя явилась ответом на его собственное боголюбие и непрестанную молитву о страждущей России и людях.

Одна-две встречи с отцом Иоанном (Крестьянским) были у меня до рукоположения в священники, все остальные — после. Опишу те, которые выпали

на мою долю — ещё молодого и вовсе неопытного иерея. О таких говорят: без году неделя.

Честно сказать, даже смотреть на батюшку изда- лека было подлинным назиданием и великим утеше- нием. Вот он тихонько входит в алтарь древней Печерской церкви. Убелённый сединами, отец Иоанн — подлинное дитя во Христе! Напоённый тайной молитвой, батюшка, кажется, соткан из благоговейного внимания к службе и устремлённости к небу. Оттого движения его неторопливы и запечат- лены тихостью, выдающей сердечное делание молитвы. Приблизившись к жертвеннику, уже обла- чённый в епитрахиль и поручи, отец Иоанн начи- нает изымать частички из просфоры, поминая здравствующих и усопших. Иную частицу удержи- вает на кончике копьеца и, видимо, просит о чём-то Спасителя, ходатайствует за душу, прежде чем опу- стить изытую крошку на тарелицу, соединив с остальными. Одушевлённая молитва... Так бы я назвал видимое мною, в противоположность почти механическому действию поминовения, столь обычному у нас, пастырей, воспринимаемому как совершенно будничное дело, неотъемлемое от общего круга пастырских забот. Для отца Иоанна всё живо: и сам жертвенник, и Чаша с дискосом, которые он бережно целует в завершение поминове- ния. Мне особенно запомнилось, как батюшка сгру- жал собственноручно им вынутые частички с тарелицы на дискос. Медленно подталкивая их пальцем, он как будто созерцал человеческие души,

ради которых изымал микроскопические крохи из заздравной и заупокойной просфор. Столь очевидной была его способность (или благодатью приобретённый навык) созерцать в видимом невидимое, вкладывать во всякое внешнее действие часть души, сдабривать сердечным чувством привычные и хорошо знакомые священнослужителям обряды.

Диакон уже читает дневное Евангелие на амвоне. Батюшка прекращает поминовение и подходит к Царским вратам, склоняя голову. Для лучшего различения слов он приставляет к уху ладонь. В такт каждому, нараспев читаемому иеродиаконом, слову он кивает головой, полуприкрыв глаза. Очевидно, батюшка полностью уходит в мир вечных евангельских глаголов. Для него они воистину «и дух, и жизнь»... Отец Иоанн настолько погружается в службу, что не обращает ни малейшего внимания на окружающих. Быть может, я не один тогда из находящихся в алтаре священнослужителей исподволь за ним наблюдал... Нечего и думать о том, чтобы подойти к нему в такие минуты!

Но вот какая удача! На другой день, заглянув в просторный алтарь величественного монастырского храма — Михайловского собора, я вижу батюшку совершенно одного! Рядом с ним нет даже его строгих келейников, всячески ограждавших пожилого пастыря от безвременных вопрошателей. А таковые подстерегали смиренного светильника на всех тропинках и во всех углах обители. У меня есть шанс с ним поговорить! От радости я даже вздрогнул,

как это бывает с удачливыми охотниками, внезапно наткнувшимися в зарослях на реликтовую особь.

Батюшка сидит в алтаре у окна и держит в руках книжицу на церковнославянском языке. Кажется, это был священнический молитвослов. Боковым зрением отец Иоанн замечает меня, но, не подавая виду, продолжает читать про себя молитвы с присущей ему внутренней собранностью. На носу батюшки — большие очки, как у доктора Айболита, которого он разительно собой напоминает. Что-то удерживает меня от того, чтобы войти в алтарь, и я терпеливо жду: а вдруг архимандрит сам меня к себе подзовёт? Проходит минута, другая. Старец переводит взор с одной страницы на другую, переворачивает их большим и указательным пальцами (переломанными во время допросов с пристрастием в сталинских лагерях).

Батюшка так и не отвлётся от чтения, может быть, желая научить меня вживаться полностью в текст молитвы. Во всяком случае, я получил от этого эпизода огромную пользу, увы, не удостоившись тогда личного общения с праведником.

Во время праздничных всенощных нас, батюшек-гостей, ставили на послушание — изымать частицы из огромного количества просфор, беспрестанно приносимых послушниками в огромных коробах. Вот ко мне подходит духовник обители, отец Александр*, и строго выговаривает за допущенную

* Схиархимандрит Александр (Васильев) (†15.10.1998).

небрежность. Не обратив внимания на оттиск Богородичной иконы на маленьких просфорах, я вынимал фрагменты из верхней части, как будто выщербливая изображение. Мне стало страшно от этой ошибки. Вдруг рядом оказывается отец Иоанн. Ласково улыбаясь, он обнимает меня, дрожащего от ужаса, как заяц. «Ничего, ничего, отец Артемий, только будьте впредь внимательнее. Ведь в нашем с вами деле значимы даже мелочи...»

По окончании общего труда добрый пастырь охотно разрешает мне задать ему несколько вопросов. При этом он прикасается к моей руке так легко и нежно, как это может сделать только мать, бесконечно любящая своё чадо.

— Ах, и не вздумайте «кронштадтить», — с весёлой улыбкой говорит он. — Многие священники по молодости норвят поподвижничать, отдаваясь от своих матушек под предлогом благочестия. Ни в коем случае! Будьте очень внимательны к супруге и блюдите ваше единство как зеницу ока... А вот правило ко Святому Причащению обязательно нужно прочитывать, — вдруг ни с того ни с сего добавляет батюшка, склонив голову и внимательно на меня поглядывая. — В нём столько святых мыслей и чувствований, усвоение которых чрезвычайно благотворно для иереев, готовящихся к литургисанию...

Это замечание архимандрита было не в бровь, а в глаз, ибо я, оправдывая себя загруженностью пастырскими заботами, норвил сокращать уже хорошо мне знакомое правило.

Несколько раз отец Иоанн принимал нас с матушкой в своей келье. Обыкновенно он это делал перед отъездом гостей из обители. Час встречи заблаговременно объявляла строгая пожилая келейница.

И сейчас перед моими глазами стоит его чудный образ. Батюшка в ослепительно белом подряснике сидит на тахте. Его чистые седые волосы тщательно расчёсаны. Необыкновенно живые, умные, а главное, внимательно-добрые глаза выдают тайну благодатной жизни, сокрытую в молитвеннике за людей.

Батюшка удивительно щедр на слово. Создаётся впечатление, что, кроме нас, у него больше и нет никого (а ведь на беседу с ним стремилась попасть, скажу без преувеличения, вся Россия). Отвечая на вопрос, отец Иоанн уходит в воспоминания своего детства, рассказывает об обычаях милой старины патриархальных городов Орла или Ельца, называет имена своих духовных наставников, сиявших добродетелями в те предгрозовые годы. Его богато интонированная речь неповторимо образна и выразительна. Ей может позавидовать и педагог, и артист. Помогая себе жестами, батюшка от избытка сердечного чувства часто обнимает нас либо берёт в свои тёплые ладони наши руки. Мы ощущаем себя детьми, птенцами, согретыми под крыльями наседки. С отцом Иоанном мы защищены от всех превратностей сурового века.

Батюшка — неистощимый кладёзь юмора. Он использует его вместо строгого обличения. «Отец Артемий приезжает на вверенный ему Святейшим

Илл. → стр. 261

*Архим. Иоанн.
Об истинных спасениях*

Патриархом приход, а там его уже ждут кумушки-воздыхательницы со своими охами и ахами... Матушка, держите ухо востро! Знаю я этих "утешительниц", подбирающихся к пастырям и входящих в их доверие благодаря бесконечным восторженным комплиментам. А последствия могут быть очень серьёзными и даже плачевными». Батюшка вдруг перестаёт улыбаться и всматривается куда-то вдаль, может быть, вспоминая известные ему случаи распавшихся священнических семей.

Я по самолюбию, увы, не мог спокойно выдерживать сказанного.

— Ну, батюшка, я же негулящий какой-нибудь! — с плохо скрытой обидой вторгаюсь в образовавшуюся паузу.

— Боже, упаси! Боже, упаси! — Отец Иоанн всплёскивает руками, и вновь его лицо озаряется изнутри светлой улыбкой. — Только нужно быть очень и очень внимательным, а главное — всё возлагать на Господа и Его милость... Он уж о нас пойдёт, яко Благ и Человеколюбец.

В завершение беседы, совершенно насыщавшей наши души и задававшей определённую программу, может быть, на пять-десять лет вперёд, отец Иоанн обыкновенно щедро помазывал своих посетителей освящённым маслом, используя маленькую кисточку, которую он обмакивал в лампаду. Лоб, уши, ноздри, грудь, ладони и тыльную часть рук, и при этом читал молитву, наподобие той, что звучит на соборовании. Иногда со смехом, как бы шая,

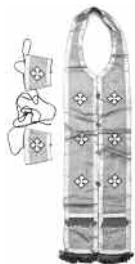
наливал святую воду за ворот спереди или сзади, освежая своих питомцев и одновременно препровождая к двери.

Как-то (в последний раз при его жизни) приехав в гостеприимную обитель без матушки, я пожелал попасть к отцу Иоанну на аудиенцию. Келейница, раба Божия Татьяна, ответила мне, приотворив дверь, что у батюшки нет возможности меня принять. Однако попросила минутку подождать, потому что отец Иоанн хотел передать мне подарок. Конечно, я терпеливо стоял под дверью и молился.

Признаюсь, что у меня было в то время на сердце три особенных желания. Мне очень хотелось иметь небольшую, укороченную до пояса епитрахиль, весьма удобную для исполнения треб в больницах и других местах, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания любопытствующих. В связи с исполнением Богородичного правила, состоящего из ста пятидесятикратного повторения молитвы «Богородице Дево, радуйся», я также помышлял о монашеских чётках — сотнице, которые позволяют не думать о счёте, но помогают сосредоточивать внимание на самой молитве. И наконец у меня было желание найти где-нибудь томик святого Феофилакта Болгарского — толкование на евангелиста Иоанна Богослова. Тогда это издание только-только появилось в Москве, но достать его было очень нелегко.

Как вы, наверное, уже догадались, в пакете, вынесенном мне келейницей отца Иоанна, оказались

именно эти три вещи: крохотная салатовая епитрахиль с поручами, чёрные длинные чётки и карманное толкование Евангелия! Я был ошарашен. Ведь это же не совпадение, а чудо, о котором знал лишь Бог да моя душа!

До сих пор у меня хранится стираная-перестираная зелёная епитрахиль с жёлтыми кантиками, которая связует собой два столетия, «век нынешний и век минувший». Для меня эта святыня есть своего рода эстафетная палочка, переданная пигмею великим богатырём духа — уже ушедшим от нас в вечность архимандритом Иоанном (Крестьянкиным).

Илл. → стр. 262

*Епитрахиль
и поручи, подаренные
о. Иоанном
(Крестьянкиным)*

ВАЛЕНТИНА ТОЛКУНОВА

Есть такое выражение «старая школа». Обычно его употребляют, когда хотят противопоставить прошлое настоящему, и, конечно, не в пользу последнего.

Если вам случалось сравнивать живописные работы старых мастеров со значимыми произведениями художников новейшего времени, то в глаза всегда бросается разница в технике. Тщательнейшая прорисовка, свойственная эпохе Возрождения, уступает место экспрессии крупного мазка XX столетия, который эволюционирует в условность линии и цвета так называемого концептуального искусства. Иногда спрашиваешь себя: а владеют ли современные новаторы классической техникой живописи? Если да, то, наверное, имеют право на нарочитый примитивизм изобразительного ряда. А если нет — то сама их творческая деятельность под большим знаком вопроса. Думаю, что сказанное относится ко всем видам искусства. Ведь школа, традиция существуют везде: и в вокале, и в сценическом, актёрском

мастерстве. Вот почему всегда переживаешь как некое событие встречу с тем человеком, который является живым носителем творческой культуры, находится в преемстве с корифеями прошлого, воплощает в себе заветы великих мастеров ушедшей эпохи.

Илл. → стр. 264
На концерте

Впервые я соприкоснулся с Валентиной Васильевной Толкуновой на одном юбилейном концерте. Она исполнила несколько песен, посвящённых любви и материнству. Сидя в первом ряду, я с большим вниманием слушал замечательную певицу. Её выступление было сплавом мягкого русского вокала, пластической грации и той благодатной умудрённости во взоре, которые выдают человека, причастного к христианской духовности. Прославленная народная артистка, завоевавшая общепризнанную любовь миллионов соотечественников, держалась очень скромно и обращалась к юбиляру и его родным с искренней симпатией. Невозможно было не подпасть под обаяние Валентины Васильевны. Аудитория была растрогана. Мужчины скрывали слёзы, а большинство женщин даже не пытались их сдерживать.

После выступления я выразил Валентине Васильевне своё восхищение и пригласил как-нибудь заглянуть в храм Всех Святых, что в Красном Селе. Мне было известно, что её воцерковлению много содействовал протоиерей Геннадий Огрызков, обладатель смиренного, жертвенно любящего сердца. С почившим батюшкой меня связывала искренняя дружба,

и упоминание о нём читатели уже нашли в этой книге. К моему удивлению, Валентина Васильевна достаточно скоро отозвалась на приглашение. Её привела в храм и наша чудотворная икона Божией Матери «Всецарица», и некоторые личные нужды, в частности потребность в исповеди. Так мы подружались, и я счастлив тем, что мне приходилось духовно окормлять замечательную русскую певицу в последние годы её жизни. Из сказанного, конечно, не следует, что она не имела духовного общения с другими православными пастырями.

Сегодня, отдавая долг памяти этой русской женщине, я хочу оставить на бумаге несколько зарисовок из последнего периода её жизни. Один из самых значимых для меня эпизодов имел место в Пюхтицкой женской обители, где она любила бывать, пользуясь благосклонностью матушки Варвары (Трофимовой), в своём роде уникальной игумении XX столетия.

Как-то летом я посетил Эстонию с паломнической группой. На горе Куремяэ мы, к обоюдной радости, встретились с Валентиной Толкуновой и провели много времени в интересных беседах. Хочу отметить, что и в обычной жизни Валентина Васильевна всегда держалась с подобающим достоинством, в ней не было и тени самодовольства или пресыщенности славой. Последние — всегда знак низкой духовной культуры.

Каковы черты незабываемого образа любимой народом певицы? Приятный глубокий и необычно-

Илл. → стр. 265
В Пюхтице

Илл. → стр. 264

*С Валентиной
Васильевной
Толкуновой*

венно звучный голос. Изысканная, неторопливая, богато интонированная русская речь. Когда она разговаривала с собеседником, улыбка не сходила с её уст. Конечно, можно говорить и о профессиональном навыке, однако приветливость и радушие давно стали, как мне кажется, выражением самой сущности души певицы. Красивая, величественная, с роскошными каштановыми волосами, она в молодости была, должно быть, неотразимой. Склад мысли Валентины Васильевны в последние годы её жизни недвусмысленно свидетельствовал о православном мирозерцании. Это подтверждалось характерными для воцерковлённого человека приветствиями и выражениями благодарности.

«С праздником, батюшка! Спаси вас, Господи! Дай Бог здоровья, благословите меня на благие дела!»

В речи Валентины Васильевны эти слова не затерялись, не служили присловьем, но дышали вечным смыслом, будучи одухотворены молитвенностью сердца.

Однажды после воскресной праздничной службы игуменья Варвара попросила Валентину Васильевну исполнить несколько её любимых произведений прямо на улице. Матушка уже с трудом передвигалась и большей частью сидела в кресле. Сценой должно было послужить высокое крыльцо храма. У ступенек, внизу, расположилась сама матушка, а близ неё широким полукругом встали сёстры вместе с паломниками. Их было более пятидесяти человек.

Илл. → стр. 267

*Успенский собор
Псково-Печорского мона-
стыря*

Если не ошибаюсь, воскресный день совпал с днём рождения дорогой матушки, которая принимала поздравления со всех уголков мира. Пришедший ей дар любви привлекал в обитель множество людей. Мне запомнились на этом праздничном собрании и прибалтийские семьи (эстонцы, латыши), приехавшие в обитель как экскурсанты. Одетые «вольготно», по-летнему, они тотчас присоединились к слушателям, узнав знаменитую артистку.

— Боже мой, но я совершенно не готова сейчас петь, — ужаснулась Валентина Васильевна, увидев, сколько собралось народа. — Я не распета. Матушка, пощадите!

— И слышать ничего не хочу! — в привычной для неё шуточной манере отвечала улыбаясь игуменья. — Валентина Васильевна, мы вас все очень, очень любим. Вы просто не можете отказать! У вас всё получится, здесь же у нас так просто, по-семейному...

Я было примостился с краю, не желая быть замеченным, но матушка поставила меня рядом с собой, напротив Валентины Васильевны, и послушаться настоятельницы я не мог. Импровизированный концерт начался.

Повторюсь, что, слушая певицу, невозможно было не расплакаться. Многие песни из репертуара Валентины Толкуновой воскресили для слушателей их молодость, даже детство; эти произведения родились в ту эпоху, которую мы сейчас вспоминаем не без ностальгических переживаний.

Илл. → стр. 266
Схигом. Варвара
(Трофимова)

Валентина Васильевна распелась, щёки зарделись румянцем, было видно, что ей самой исполнение доставляло подлинную радость. Примечательно, что больше всех расчувствовались русоголовые прибалты, ведь они давно не слышали такой музыки. Мне казалось, что голос певицы был подобен золотой нити, которая соединила их с Великой Россией. Матушка игуменья тихонько и самозабвенно подпевала любимой артистке. Это было лучшим подарком благодатной русской старице и, может быть, своеобразной одой её более чем полувековому служению обители, излившейся из уст московской паломницы...

В заключение расскажу о своей последней встрече с Валентиной Васильевной. Подтачивавшая её силы болезнь незаметно брала своё. Нужно было дивиться мужеству артистки, буквально преобразившейся на сцене и, казалось, забывавшей о своих уже немолодых годах. Жертвенность в служении людям и полная востребованность действительно являются для многих творческих людей источником и душевных, и телесных сил.

Мне была передана просьба Валентины Васильевны посетить её в Боткинской больнице и, если возможно, совместить приобщение Святых Таин с Елеосвящением. Приехав в назначенный час, я добрался до нужного корпуса, где меня более чем почтительно встретил пожилой охранник в униформе.

— Пожалуйста, батюшка, проходите, вас уже ждут.

О всенародное признание и любовь людских сердец! Мне знаком «зелёный коридор» беспрепятственного прохождения в ведомственных учреждениях к лицам, которых знает и почитает вся страна. На этаже, у стойки старшей сестры я увидел целый консилиум врачей в белых халатах. Очевидно, всем хотелось проявить своё профессиональное участие или быть хоть как-то причастным к терапевтическим трудам и уходу за знаменитостью.

Кстати, эта популярность была для Валентины Васильевны тяжким крестом, источником многих огорчений, даже искушений. Она сама рассказывала мне, как после концертов экстрасенсы и колдуны всех мастей пытались к ней пробиться, взять её за руку, что-то ей «напророчить»... Для кого-то внимание певицы было предметом коммерческого интереса, носило открыто рекламный характер, что выводило Валентину Васильевну из равновесия. Ей должно было соблюдать большую осторожность в общении, особенно с газетчиками, иные из которых демонстрируют сегодня отсутствие всякого понятия о совестливости и деликатности. Многие из них готовы, как подкожные насекомые, внедряться в личную жизнь интересующего их человека, на ходу сочиняя всякие нелепицы, лишь бы приготовить острое печатное «кушанье» для не слишком разборчивой, но жадной до слухов публики. Сама болезнь Валентины Васильевны была поводом для разных инсинуаций, что, конечно, повергало артистку в негодование.

— Сообщите, пожалуйста, Валентине Васильевне, что пришёл священник Артемий, — обратился я к дежурной сестре.

Та проскользнула в палату, предоставленную певице.

— Батюшка, батюшка, подойдите к двери, — услышал я знакомый голос. — Простите великодушно, я просто не могу вас тотчас принять в таком виде, я вернулась с процедур. Извольте немного подождать, не сердитесь на меня...

— Ну конечно, Валентина Васильевна, не беспокойтесь, я ведь никогда не скучаю. Буду ждать вашего сигнала.

Мне были совершенно понятны переживания милой Валентины Васильевны. Она всегда должна была оставаться королевой. Её никто не может видеть немощной и некрасивой. Артисты старой школы очень и очень заботились о целостности своего сценического образа и избегали всего, что могло бы послужить его разрушению. Ещё недавно актёров учили терпеливо пережидать в артистической после спектакля и выходить из театра через служебный вход только поздно вечером, когда фойе уже опустеет...

— Войдите, дорогой батюшка, я готова...

Я вновь увидел прежнюю Валентину Васильевну, которая «восседала» на больничной койке в белоснежном махровом халате, приготовившись к встрече так, как это было для неё привычно. Но в её внешности не было ничего броского или вычурного.

Принимая исповедь, я не поторапливал Валентину Васильевну, которая всегда выражала свои мысли и чувства в пространной, несколько экспрессивной форме.

Приняв с благоговением Святые Дары и затеплив свечку, как это принято во время Соборования, она очень внимательно слушала все положенные по чину молитвы и евангельские чтения. Всякий раз, когда мне должно было помазывать святым елеем лицо и руки, она, прикрыв глаза, с улыбкой тянулась навстречу священнической деснице и напевала своим дивным певучим голосом: «Услыши ны, Боже, исцели ны, Владыко, помилуй нас, Святыи». Мне и в голову не могло прийти, что я вижу её последний раз в этой земной жизни... Когда я неспешно собирал в пастырский чемоданчик все необходимые для совершения таинства вещи, она произнесла фразу, которая чётко запечатлелась в моей памяти: «Батюшка, вы знаете, у меня после всех этих молитв такое удивительное умиротворение на душе, как будто какая-то чудная лампада незримо зажглась в моём сердце. Если бы вы знали, как мне сейчас хорошо!»

Принимая благословение, она безотрывно смотрела мне в глаза. У дверей я оглянулся — её лицо светилось тёплой улыбкой.

Через несколько дней, находясь далеко от столицы, я узнал, что Валентины Васильевны Толкуновой не стало... Не стало в этом дольном и изменчивом мире... Но, я точно знаю, что она

пребывает в ином, очень близком нам мире и ждёт всех, кто её любит и помнит, всё с той же улыбкой, которую описать словом, наверное, никому не под силу.

ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ,
АРХИЕПИСКОП ВАСИЛИЙ (РОДЗЯНКО),
МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (БЛУМ)

В этой главе мне хотелось бы запечатлеть штрихи к портрету тех замечательных пастырей, которые, отойдя в вечность, уже принадлежат истории. Пусть в моей жизни были лишь краткие встречи с ними — тем более хотелось бы их сохранить. Если не для других, то для самого себя.

Кто не слышал в России о старце Николае с острова Залит, со всех сторон омываемого волнами Чудского озера? Скольким пастырям он послужил словом и примером, не говоря о десятках тысяч простых людей! На долю протоиерея Николая Гурьянова выпал крест особой тяжести — он ещё при жизни стал легендой, а его маленький островок оказался включённым в паломнические маршруты, по которым ежедневно двигались сотни богомольцев и любопытствующих. Скромную хибарку с одиноко живущим престарелым священником осаждали людские толпы уже с раннего утра.

Помнится, я, уже будучи священником, приехал с несколькими прихожанами на остров Залит без

каких-либо вопросов, требующих срочного разрешения. Таковые имелись у моих знакомых, которые ездили к старцу всякий раз, когда жизнь поставляла их пред тем или иным судьбоносным решением. Мне было предложено сопровождать эту семью, и я с готовностью согласился. Много замечательных рассказов об отце Николае я слышал из уст Пюхтицкой игумении Варвары, которая была его духовной дочерью. Батюшка с молодых лет любил женскую обитель на горе Куремяэ и никогда не обделял пастырским вниманием её насельниц. Ему не свойственно было открытое юродство, но сокровенная духовная жизнь во Христе сочеталась в нём с детской обезоруживающей непосредственностью, незамысловатыми речениями и бесхитростным обращением с неизменной улыбкой на лице. Его слова оказывались на вес золота для тех, кто их принимал с любовью и благодарностью в ответ на свои вопросы.

Ранним погожим утром мы подошли к его небольшому домику. Стояла тихая летняя погода. Воздух был напоён свежестью и прохладой. Чувствовалось соседство обширных вод Чудского «моря». Никто никуда не торопился. Это же остров. Раньше положенного часа не уедешь. Голуби в ожидании своего хозяина-кормильца (батюшка очень любил живность) слетались в уютный дворик, ограждённый низким заборчиком. Тихо было и на сердце. Вы невольно проникались царившей здесь молитвенной атмосферой. Большинство приехавших ждали какого-то

личного откровения от встречи с престарелым сельским священником, имя которого передавалось из уст в уста по всей России.

Наконец, дверь домика со скрипом отворилась. Вышел батюшка, точно такой, каким он предстаёт на фотографиях. Невысокого роста, сухонький, со старческим ликом, обрамлённым седенькими волосами. Глубоко посаженные глаза, слегка выдающиеся вперёд скулы, широкий морщинистый лоб дышали исконной русскостью. В руках отец Николай держал стаканчик с маслом и кисточку. Вместо приветствия он запел любимое народом Богородичное песнопение «Царице моя Преблагая». Пел чисто и удивительно проникновенно. Лицо его светилось улыбкой. Он медленно приближался к нам, семена ножками. В его облике, как он ни прост, не было ничего обыденного, приземлённого. Я почувствовал, что душа старца пребывает не в этом мире. «Неземной покой» — так бы я назвал картину, центром которой была фигура благодатного батюшки. Народ без всякой сутолоки двинулся к нему. Подходили поодиночке и задавали отцу Николаю свои вопросы. Он медленно выводил крестик на лбу вопрошавшего и, не торопясь, отвечал. Всегда кратко, односложно. Голос у него был высокий, насыщенный сердечным теплом, участием к человеку. Всё суетное отходило, когда вы оказывались рядом с этим просветлённым старцем.

Подошёл и я, в подряснике, со священническим крестом на груди. Батюшка по-отечески помазал меня кисточкой и задал совершенно неожиданный

вопрос: «Вы венчаны?» То ли он хотел узнать, к какому разряду духовенства я принадлежу (белому или чёрному), то ли Бог вложил ему в уста этот вопрос, чтобы заставить меня призадуматься, уделяю ли я должное внимание своей половине... Как бы то ни было, в сердце осталась об этом память.

Помазание длилось более сорока минут, все желающие успели поговорить с отцом Николаем и получить тихие, пронизанные молитвенным размышлением ответы...

Много лет спустя я служил в Пюхтицком Успенском соборе всенощную. Вдруг в алтарь передали весть — на острове Залит скончался протоиерей Николай Гурьянов. Тотчас по окончании службы мы, по благословению матушки Варвары, стали служить соборную панихиду. Молитва была наполнена светлой печалью о человеке, насыщенном жизнью, но давно уже не принадлежавшем этой грешной земле. Утром на Божественной литургии мне было поручено сказать слово. В нём я выразил ту мысль, что праведники нашего времени — архимандрит Иоанн (Крестьянкин), архимандрит Кирилл (Павлов), протоиерей Николай Гурьянов, — при всей их личной скромности и подлинном смирении, суть духовные атланты, поддерживающие своими преподобными руками* небосвод над многострадальной Россией, вступившей в третье тысячелетие по Рождестве Христовом...

* См.: 1 Тим. 2, 8.

Илл. → стр. 270
*Старцы. Вл. Василий
(Родзянко) справа*

С владыкой Василием (Родзянко) я, как и тысячи наших соотечественников, был знаком заочно, благодаря его проникновенному в течение многих лет вещанию по «Голосу Америки». Ах, какие это были передачи! И дело совсем не в безукоризненной правильности речи, с едва заметной английской интонацией, не в чистоте русского литературного языка, чуждого вульгаризмов и иностранщины, но в особом строе души. Его слова свидетельствовали о зрячей, пламенной вере, чуждом притворства смирении и тёплой любви к людям. Владыка никогда не был в тягость своей аудитории, настолько глубокой и вместе с тем простой всегда была мысль этого удивительного проповедника...

Наконец, Бог даровал мне увидеть его в алтаре храма Воскресения Слоущего на улице Неждановой. Началась ранняя, семичасовая, воскресная литургия. Владыка не служил, но готовился к приобщению. Он скромно стоял на орлеце, слева от престола, погрузившись в молитву. Его внешность была удивительно приятна. Высокого роста, с правильными чертами лица и очень живыми, выразительными глазами. Я заметил, с каким одушевлённым вниманием епископ благословлял священников, осеняя их по-архиерейски двумя руками. Это бывает всякий раз, когда служащий пресвитер произносит возглас и затем кланяется архиерею.

В присутствии владыки мы, братия, совсем не чувствовали скованности и волнения, как это обычно бывает при посещении храма сановной особой.

Высокий гость ничего собою не изображал, не рисовался, он, напротив, хотел быть незаметным, чтобы насладиться вместе со всеми Божественного «пира веры»*. После молитвы «Отче наш» он облачился и первым, как и полагается архиерею, приступил к таинству Причащения. Хотелось украдкой подсмотреть, как он это делает. Ведь в данный миг человеческая душа отверста. Она приближается к Живому Богу и приемлет Его внутри самой себя...

Благоговейно приобщившись и трижды поцеловав Святую Чашу, владыка вернулся на архиерейский коврик и стал читать про себя благодарственные молитвы. Вот и всё, что я тогда увидел и запомнил. Но его образ время от времени являет себя в моём сердце. Он источает смирение и ту особенную трепетную деликатность к ближнему, которая называлась когда-то обходительностью. Став хотя бы на минуту предметом внимания владыки, увидев на себе его неравнодушный взгляд, вы тотчас чувствовали, как сердце наполняется сокровенным теплом, а все потаённые уголки души отзываются радостью.

Второй раз я встретился с епископом Василием в стенах Троице-Сергиевой Лавры, куда он приехал на какой-то великий праздник. Знакомый мне келейник владыки пригласил посетить его в номере гостиницы, где он расположился, чтобы заручиться

* Выражение взято из Огласительного слова на Пасху святителя Иоанна Златоуста. — Прим. ред.

архиерейским благословением. Посмотрев на юного академического преподавателя и пастыря, владыка положил мне руки на плечи и с нежностью в глазах произнёс: «Батюшка, берегите свою матушку и старайтесь гасить все размолвки и недоразумения первым. Сохраните в семье любовь и единомыслие до конца вашей жизни...» Больше ничего не было сказано. Он благословил меня, крепко обнял и отпустил с миром...

Позже я узнал, что владыка дал обет Богу никому никогда не отказывать в духовных просьбах. Он мог, к примеру, тотчас нарушить собственные планы и изменить распорядок дня, если кто-то внезапно приглашал навестить больного. Это было твёрдым правилом его жизни.

Рассказывают, как тёмной ночью где-то в глухой российской провинции он стал свидетелем дорожного происшествия. Проезжая с водителем на машине, владыка увидел сбитый мотоцикл истоявшего рядом человека. Попросив остановить машину, он подошёл к месту происшествия. Оказалось, что близ мотоцикла лежало бездыханное тело, накрытое плащом. Сын мотоциклиста безмолвно склонился над родителем. Они ехали вдвоем по ночной трассе, и мотоцикл перевернулся на ходу. Сын не получил ни единой травмы. Отец погиб.

— Был ли он крещён? — осведомился епископ Василий.

— Да, с детских лет. Отец редко ходил в храм, но имел духовного отца. Он считал таковым владыку

Василия (Родзянко) из Америки, передачи которого постоянно слушал по радио.

Потрясённый владыка заплакал и тут же по памяти совершил панихиду по своему новопреставленному духовному сыну.

Может быть, друзья, вы уже читали где-нибудь эту историю, однако не посетуйте. Она не вымышлена, и всякий раз, когда соприкасаешься с такими поведованиями, постигаешь непостижимые пути Промысла Господня, обнимающие собой судьбу каждого из нас.

О митрополите Сурожском Антонии (Блуме) я уже вспоминал в книге «Мой Университет», повествующей о моих студенческих годах. Тогда меня поразило его служение в Никольском храме в Хамовниках. Возгласы Евхаристического канона, обращённые к народу, дали почувствовать всепобеждающую любовь Христову, засвидетельствованную Господом на Тайной Вечери и в Голгофском Распятии, которое завершилось Воскресением.

Спустя много лет я впервые, уже священником, посетил Англию и был приглашён принять участие в воскресной литургии в Успенском храме на *Ennismore Gardens**. Это была «вотчина» митрополита Антония, который уже доживал свои последние дни. Владыка встретил меня у входа в храм, выйдя в самой

* Ennismore Gardens — уютный уголок Лондона, где располагается православный храм в честь Успения Божией Матери, — место проповеднических трудов владыки Антония (Блума).

Илл. → стр. 272

Последняя фотография митр. Антония (второй слева).
7 апреля 2003 г.

затрапезной одежде из своей келейки. Он оказался удивительно мал ростом. По его осунувшемуся лицу я догадался об изнурявшей его болезни. Но блестящие карие глаза дышали жизнью. С едва приметной улыбкой митрополит выжидательно смотрел на меня. Я представился ему и попросил благословения.

— Владыка, мне так радостно видеть вас, я читал ваши книги и много слышал о вас из уст наших общих знакомых.

— Представляю, сколько ужасного они наговорили! — с английским юмором отвечал митрополит, очевидно, привыкший выставлять щит шутки в ответ на похвалы и бесчисленные комплименты в его адрес.

— Прошу вашего благословения на участие в службе и на проповедь. Старший священник попросил меня произнести её и на русском, и на английском языках.

— Да, у нас так принято, Бог да благословит вас. — И он вновь с любовью осенил меня крестовидно именованным сложением перстов.

С этим благословением я и вошёл во святой алтарь просторного храма, выкупленного благодаря героическим усилиям владыки у англиканской общины. Это была моя первая в жизни проповедь на английском языке перед несколькими сотнями молящихся. Кажется, за молитвы владыки, я не сделал в ней ни одной ошибки...

Духовный авторитет митрополита Антония был настолько велик, что являлся «удерживающим началом»

в огромном приходе, где сталкивались разнородные группы людей: и «старая русская гвардия» — потомки первых эмигрантов, — переживавшая вместе с митрополитом Антонием все трудности становления русского Православия в английской столице, и «конверты»* из лондонцев, с их особенностями церковного уклада, и «новые русские», мало знакомые с традициями *Ennismore Gardens*, однако желавшие деятельно участвовать в жизни общины. Покуда владыка медленно догорал, огонёк его родительского слова, проникновенного и творческого, озарял души, жаждавшие духовного окормления. Едва лишь его «сердце биться перестало» и «светильник разума угас», возобладали центробежные силы... *Поминайте наставников ваших***... — вещает святой Апостол. Как важно, входя в сокровенную жизнь общины, становясь её органичной частичкой, *сохранять единство духа в союзе мира****, жертвуя личными амбициями и жаждой внешних изменений в пользу взаимной любви. Этому и учил владыка, став по сути новым просветителем Англии, и не его вина, если неложный пафос его всегда искреннего слова, помноженного на присущее ему благородство и великодушие, не всеми был услышан...

* Так в церковной англоязычной среде шуточно называют перешедших в Православие. Английский глагол *to convert* имеет значение «перейти в иную веру».

** Евр. 13, 7.

*** Еф. 4, 3.

«УБЕРИТЕ ЭТО!»

Любовь побуждает нас заботиться о близких людях и усугублять эту заботу в их пожилые годы. Попечение о телесном здоровье немощных сродников, борьба с их болезнями забирают у молодых немало сил. Однако эти труды благословенны, потому что возвращают в них нравственную личность. Но заботясь о теле, не должно забывать и о душе. Она есть «вещь бессмертная», по слову древней церковной молитвы. Православным воцерковлённым христианам свойственно беспокоиться и переживать за сродников, особенно за тех, кто далёк от спасительного лона Церкви. Тем паче если они, дожив до седых волос, не крещены. Отсутствие благодати Божией в человеке становится очевидным и заметным в годы старости. Бедная человеческая природа! Она тяжело страдает, и тем больше, чем ближе душа подходит к часу своего исхода из временной жизни в вечную. Конечно же, христианин, просвещённый живой и тёплой верой, прилагает все усилия к воцерковлению домашних. Тайная молитва за ближних, не разделяю-

щих христианские убеждения, наверное, знакома большинству из нас. Важно лишь помнить, что «благодать не насилует», по меткому русскому выражению. Бог никогда не нарушает свободы, дарованной Им Самим человеку. И об этом должно всегда помнить тем, кто желает содействовать спасению своих родственников, сидящих во тьме и сени смертной*, то есть противящихся Христу Богу, *Который хочет, чтобы все спаслись и достигли познания истины***.

В первый год своего служения на улице Неждановой я познакомился с милой новообращённой девушкой Екатериной, узнавшей во Иисусе Христе Господа, Которого как своего Мессию с библейских времён ожидали её предки. Розовощёкая Катя со всей пылкостью юного сердца приняла Православие, загоревшись мыслию приобщить к нему свою родню.

— Батюшка, — приступила она как-то раз ко мне, — я очень прошу посетить в больнице мою бабушку, боюсь, что она скоро отойдёт в вечность.

— Конечно, я готов... Она у вас, кстати, крещёная?

— В том-то и трагедия, что нет. Её нужно обязательно крестить, иначе она останется без спасительной благодати.

— Это возможно сделать и в клинических условиях, — утешал я любящую внучку. — А сама бабушка давно возжелала стать христианкой?

* Ср.: Мф. 4, 16.

** 1 Тим. 2, 4.

— Пока что не только не желает, но и решительно против; я даже боюсь ей признаться, что сама обратилась ко Христу. Мама с папой, которые уже об этом знают, щадят бабушку и не говорят ей правду обо мне.

— Тяжёлый случай...

— Но её дни истекают, может быть, ваш приход в больницу будет её последним шансом перед кончиной. Она уже очень слаба...

— А бабушка в сознании?

— В полном, у неё удивительно ясный ум для её возраста. Она вам очень понравится, вот увидите.

— Не сомневаюсь, Катерина. Но здесь один Господь может что-то изменить. Я готов с вами съездить в больницу. А родители-то знают о нашем намерении?

— Что вы, они об этом даже слышать не хотят! Я надеюсь только на чудо Божие!

— Хм... Ну поехали.

Круглые щёчки Кати запылали от радости алыми маками...

— Спаси вас Господи, батюшка, сегодня утром я горячо молилась, чтобы всё устроилось.

Мы добрались до больницы общественным транспортом и, найдя нужный корпус, поднялись в терапевтическое отделение. Признаюсь честно, чувствовал я себя не очень уверенно. Каков-то будет исход нашей «добровольческой экспедиции»?

— Батюшка, если у бабушки уже дежурят родители, давайте не будем им говорить, что вы идёте специально для разговора с ней. Я объясню им,

что встретила вас случайно у крыльца больницы, рассказала вам о болезни бабушки, и вы сами захотели её посетить.

Я с улыбкой взглянул на Катеньку, и робкую, и решительную одновременно... Хитроумный план, ничего не скажешь. Пусть будет как будет.

Мы вошли в отделение. Картина обычная для советского времени и достаточно грустная. Перед нами открывался длинный-длинный коридор с бесчисленными палатами с правой стороны. Здесь же стояли койки с больными, число которых превышало возможности лечебницы разместить всех подобающим образом. Кто-то из пациентов прохаживался в домашнем халате в ожидании обеда, другие сидели или лежали в палатах.

— А вон моя бабушка! — взволнованным шёпотом сообщила мне Катя. А с ней мама и папа. Что-то сейчас будет...

Действительно, в самом конце коридора я различил на инвалидном кресле древнюю старушку. За её спиной стояли мужчина и женщина среднего возраста. Кресло было развёрнуто прямо на нас, но бабушка и Катины родители, очевидно, ещё не заметили внучку с необычным гостем. Отступить было некуда. Я попросил Катю подождать у входа в отделение, а сам стал медленно двигаться вперёд, как будто совершая утренний обход. На моей груди были Святые Дары в небольшой дароносице, в сумке через плечо — крестильный набор и священническая риза. «Кажется, ничего это мне сегодня не понадобится», — размышлял

я и с деланной улыбкой на лице продолжал своё шествие. Старушка, наконец, увидела священника в чёрном подряснике с золотым пастырским крестом. Дистанция между нами медленно сокращалась. Я почему-то вспомнил пушкинскую «Пиковую даму», которая вжималась в своё кресло тем глубже, чем ближе подходил к ней главный герой произведения. На лице Катиной бабушки я прочитал целую гамму чувств: и тревогу, и страх, и глубокую неприязнь... Уставившись на меня, она задрожала всем телом. Затем, как бы желая защититься от страшного «видения», растопырила искривлённые от старости пальцы обеих рук и стала быстро трясти ими в воздухе. Так делают маленькие дети, когда выражают решительный протест повиноваться, например съесть что-либо приготовленное для них взрослыми. Глаза бедной женщины превратились в узенькие щёлочки. Из них, как из дзота, сверкнул на мгновение недобрый огонь...

— Уберите это! — громко воскликнула она, с характерным грассирующим «р». Прежде чем Катины родители могли вступить со мной в объяснения, я спокойно развернулся и продолжил свой «обход» в противоположном направлении. Да и старушку тотчас увезли в палату, подальше от подобных встреч, грозивших ей новым инфарктом...

Катерина, наблюдавшая за всем издалека, стояла, смущённо потупив глаза.

— Батюшка, я ведь хотела как лучше. Ах, бедная бабушка, что же будет с её душой?

— Катерина, насильно мил не будешь, невольник — не богомольник. Нам остаётся верить ваших родных Божией милости и молиться об умягчении и просвещении их сердец. Вы знаете, что Господь прежде всего *пришел к своим, и свои Его не приняли**. То, что Бог вложил в ваше сердце спасительную заботу о близких и вы так за них переживаете, есть очевидное доказательство любви Божией к ним. Ведь всё доброе в нас — это дар свыше, действие Его благодати. Слава Богу, мы сделали то, что смогли, а остальное — в руках Всевышнего.

Через какое-то время мы с Катей потеряли друг друга из виду. Я был назначен настоятелем в храм Всех Святых, что в Красном Селе, а она уехала куда-то учиться. Встретились мы с ней вновь уже вдали от Родины, в... Америке. Катерина стала матушкой. Её супруг, выходец из России, совмещает пастырство в небольшом уютном храме Нью-Йорка с медицинской практикой, работая врачом. Матушку Екатерину время совершенно не изменило. Тот же юный взор, те же свежие щёчки, покрытые здоровым румянцем. Они с батюшкой живут очень дружно и радостно несут бремя служения на ниве Христовой. Расставаясь с этой милой четой, я забыл спросить, удалось ли Екатерине просветить верой сердца родителей. А бабушка, к сожалению, так и отошла в мир иной некрещёной...

* Ин. 1, 11.

ШТОПОР

Что же в конечном счёте определяет тайну спасения человеческой души? Почему иные люди, стоя уже одной ногой в могиле, отворачиваются от священника, а другие принимают его, раскрывая Богу своё сердце, которое так долго напоминало наглухо заколоченное окно?.. Только ли сказывается происхождение, говорит голос крови, воздействуют особенности, характер воспитания или полученное образование? Можно ли сказать, что отчуждённое от Церкви поколение наших бабушек и дедушек стало жертвой эпохи, прошедшей под знаком воинствующего безбожия? И да, и нет... Бытие, безусловно, влияет на нас, хотя и не определяет наше сознание. Сдаётся мне, что приятие или отвержение веры во Христа является итогом всей прожитой человеком жизни. Что остаётся в знаменателе? Потенциал накопленного добра или зла. Они-то и накрেনяют сердечные весы в сторону спасения или гибели. Так человек делает свой последний и окончательный выбор, определяющий его участь в вечности.

Однажды некая благочестивая дама из числа моих давних прихожан попросила меня помолиться за дедушку — героя Отечественной войны, лётчика-истребителя, чудом выжившего в ту огненную годину и получившего от Родины самые высокие правительственные награды.

— А как его здоровье?

— Конечно, неважное, в его-то годы. Но главное, что нас заботит, — это его душа. Он по-прежнему считает себя неверующим, уж сколько мы с ним на эту тему говорили, всё бесполезно.

— А священник когда-нибудь бывал у него?

— Но как приглашать батюшку к такому человеку?

— Может быть, попробуем?

— Батюшка, а вы не согласились бы прийти?

— Сочту за честь посетить ветерана Великой Отечественной войны, Героя Советского Союза.

Внучка от радости даже всплеснула руками, она, оказывается, и думать не могла о подобной милости.

В условленный день и час я позвонил в квартиру. Был уже поздний вечер, но другой возможности у меня не нашлось.

— Батюшка, рады вас видеть, наконец-то вы до нас доехали! Мы, правда, дедушке не говорили, что вы лично к нему едете, сказали, что батюшка просто придёт к нам в гости.

— Вот и прекрасно, давайте потихоньку будем знакомиться.

Я вошёл в небольшую гостиную, где на диване сидел знаменитый дедушка. Очевидно, ему уже трудно

было вставать. Он решительно, по-военному протянул мне для приветствия руку.

Коренастый, широкоплечий, ветеран войны в сорочке, как сейчас говорят, защитного цвета, напомнил мне Василия Шукшина, с его характерной внешностью русского сибиряка. Мужественный подбородок, красиво очерченные ноздри, светлый взгляд прямо смотрящих глаз — всё выдавало тот победный дух военного поколения, который сокрушил, казалось бы, неодолимую стальную машину немецкого вермахта.

— Разрешите вас приветствовать, лейтенант запаса, священник Артемий Владимиров. Простите, дедушка, не знаю вашего звания. — Я крепко пожал его руку.

— Вольно, я майор авиации...

— Для меня, — продолжал я задорным тоном, — великая честь познакомиться с героем последней войны, и, может быть, даже подружиться.

— Садитесь, садитесь, — несколько смущённо отвечал прославленный лётчик, — всё это было, да прошло...

— А вы действительно управляли истребителем?

— Да и не только управлял, боевые задания выполнял вместе с товарищами по эскадрилье.

— С детства, наверное, были крещены?

— Ну, это как водится, в нашей деревне всех сызмальства крестили.

— Дедушка, а со священником раньше вот так, с глазу на глаз, встречались?

— Нет, это первый раз, мы же все неверующие тогда были.

— Ну подождите так говорить. Какие-то чудеса в вашей жизни имели место? Хранит память эти удивительные случаи?

— Ещё бы. Если бы их не было, я сейчас бы тут не сидел и с вами не разговаривал.

— Это как?

— Как вам объяснить... Вас как можно величать?

— Просто батюшка.

— Так вот, батюшка, в нашем военно-авиационном деле есть два вида штопора, это когда самолёт винтообразно падает вниз. Из одного выйти можно, а из другого — у нас его называют плоским — нельзя.

— И что же?

— Я попал в тот, из которого не выходят.

— Постойте, постойте, что же дальше было?

— Я тогда сказал: «Господи, я вот сейчас переkre-щусь, если Ты есть, помоги», — и вышел.

— Из этого «мёртвого» штопора?

— Да. Вот такие дела, хотя я и неверующий, а вышел.

— Знаете, дедушка, у вас в глазах я вижу не только веру, но и великую любовь к Родине. Чувствую, что и Бог вас любит. Вот и священника к вам привёл.

— Премного благодарен. За Родину действительно и в огонь готов. Много потом пришлось повоевать после демобилизации.

Так, слово за слово, дедушка поведал мне, как, занимая по окончании войны достаточно высокий пост, он бесстрашно отстаивал правду, не боялся говорить в лицо бюрократам и карьеристам, что о них

думает, защищая интересы дела. Интересно, что дедушка не вписывался в условности советской власти и, привыкнув к честному поединку, лоб в лоб, что называется, не склонен был идти ни на какие компромиссы. Состояния себе не сделал, да об этом честные, принципиальные люди тогда и не думали, а оставил детям и внукам жизненный пример, чуждый корысти и себялюбия.

— Дедушка, конечно, и мы все не без греха, — продолжал я тянуть свою священническую ниточку, — и крепких выражений, поди, не стеснялись, и махорочкой баловались, прости, Господи.

— Да, всякое бывало, пусть Бог простит...

— А вот смотрите, тут и крестное знамение не худо на себя положить. Сами сказали, оно вас из штопора вывело. Сложите-ка три пальца вот так. — Я показал ему, как правильно осенить себя крестом. — И вам, как фронтовику, весьма достойно это сделать; ну, давайте: во имя Отца и Сына и Святого Духа. Видите, как хорошо у вас получилось! Прости нас, Господи, что и неверующими себя называли. Вы ведь на самом деле верны и Родине, которую защищали, и Господу Богу, Который вас из штопора спас для добрых дел.

Мы неспешно перебрали с ним все жизненные вехи и вместе просили прощения за главные грехи, которых не лишён никто из живущих на земле.

— А теперь, дедушка, наклоните голову, и я прочитаю над вами, как священник, а не как лейтенант, молитву разрешения, прощения всех грехов, вольных

и невольных, ведомых и неведомых. Ведь один Бог безгрешен...

— Это правильно, — подтвердил фронтовик и послушно склонил под епитрахиль свою седую голову.

Так мы завершили исповедь, и я причастил его (впервые за его долгую жизнь!) Святых Животворящих Христовых Таин.

— Спасибо, спасибо, очень благодарен, — повторял он, когда я подносил ему чашку с кипячёной водой, чтобы запить Святое Причастие.

Внучка, лучившаяся от радости, вошла в комнату и остановилась, не смея подойти к причастнику.

— Поздравляйте дедушку, мы исповедались и причастились, как это вам ни покажется удивительным. Давно Господь Бог вёл нашего дедушку к этому Таинству, для того и из штопора его вывел на страх врагам и всем нам в назидание...

Сродница прильнула к героическому деду с выражением полного счастья на лице, а тот не без смущения говорил, не скрывая, впрочем, доброй улыбки:

— Ну ладно вам, что батюшка мне велел, то я и сделал, мы с ним люди военные!..

Это была моя первая и единственная встреча с одним из тех героев-фронтовиков, которые выковали нашей стране победу. Удивительно, что Господь, избавивший дедушку от неминуемой смерти, сохранил ему ясный ум и трезвую память для встречи с пастырем, а через него — и для встречи с Собою.

— Разрешите, товарищ майор, после выполнения боевого задания отбыть в расположение части, — обратился я напоследок к причастнику.

— С Богом, отбывайте, — ответил он, и мы ещё раз крепко обнялись...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Не знаю, дорогие читатели, хватило ли у вас терпения дочитать эти воспоминания и какое чувство вы испытываете, завершив свой немалый труд... Но если говорить без обиняков, мне не хочется ставить последнюю точку.

Должен сказать, что священники не завершают свою деятельность по «истечении срока полномочий», как это бывает у директоров школ, инженеров и президентов. Многие пожилые пастыри скудеют физической силой и уже бывают не в состоянии полнокровно участвовать в приходском служении. Однако они не уходят на пенсию и не становятся «частными людьми». Благодать священства, почивающая на их плечах, а лучше сказать — в душах, не прекращает своего спасительного для паствы действия. Понуждаемый жертвенной любовью к людям, маститый священник и в храме, и вне храма будет продолжать свой маленький молитвенный подвиг, свои незаметные для мира труды душепопечения, столь значимые для его пасомых.

Жизнь православного пастыря богата и событиями, и впечатлениями, так что в одну книгу и не уместить всего того, что просится на бумагу... Мне отраднo было вспомнать на этих страницах самое начало своей священнической деятельности, которая, по милости Божией, продолжается уже более двадцати пяти лет.

И совсем не удивительно, что русские батюшки в большинстве своём ведут дневниковые записи, отмечая наиболее интересные случаи из пастырской практики, подмечая впечатлившие их свидетельства Промышления Господня о человеческих душах.

Если обстоятельства будут благоприятствовать, я с готовностью ещё представлю вам, друзья, свои скромные пастырские заметки и наблюдения.

Прощаясь с вами, моими читателями, я возношу особое благодарение Создателю за то, что все мы живём в нашей России, «страждущей по Богу», и являемся чадами Русской Православной Церкви, а значит, имеем замечательную возможность самой жизнью засвидетельствовать Господу веру и верность в эти нелёгкие дни, переживаемые нашей Отчиной.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	II
ИЗ ПРОШЛОГО	14
НАЧАЛО ПУТИ	23
ДИАКОНСКАЯ БЛАГОДАТЬ	29
ХИРОТОНИЯ	34
СЛУЖЕНИЕ В ДИАКОНСКОМ САНЕ	43
ДОМ БОЖИЙ	51
ОЖИДАНИЕ	59
НИКОЛА ЗИМНИЙ	68
ИЗВЕЩЕНИЕ	75
СВЕРШИЛОСЬ!	80
ЗАВЕРШЕНИЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ЛИТУРГИИ	87
ПЕРВЫЙ ОПЫТ ДУХОВНИЧЕСТВА	91
МАТУШКА ЕВДОКИЯ	96
ШАМΠΑНСКОЕ	103
СМЕШНОЕ ИЛИ ГРУСТНОЕ	III
ИСПОВЕДЬ	117
ТАГАНКА	123
БАЛЕРИНА	132
АРХИМАНДРИТ ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)	142
АРХИМАНДРИТ ИОАНН (КРЕСТЬЯНКИН)	149

МИХАИЛ ПУГОВКИН	159
ВАЛЕНТИНА ТОЛКУНОВА	165
РЕАНИМАЦИЯ	175
ПОВЕРЖЕННЫЙ МЕФИСТОФЕЛЬ	182
ПРОТОИЕРЕИ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ, АРХИЕПИСКОП ВАСИЛИЙ (РОДЗЯНКО), МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (БЛУМ)	190
ЗАВЕЩАНИЕ МЛАДЕНЦА МАРИИ	200
«УБЕРИТЕ ЭТО!»	206
НЕВЕРОЯТНОЕ	212
ШТОПОР	218
ИЛЛЮСТРАЦИИ	225–288
ПОСЛЕСЛОВИЕ	289